

очарование

ЭЛИЗАБЕТ ХОЙТ

*Мое любимое
гудовище*

Очарование (АСТ)

Элизабет Хойт

Мое любимое чудовище

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хойт Э.

Мое любимое чудовище / Э. Хойт — «Издательство АСТ»,
2014 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-147086-9

Талантливая актриса Лили Стамп, впутавшаяся в отчаянное предприятие по восстановлению маленького театра в центре заброшенного увеселительного сада, вынуждена жить чуть ли не в руинах этого театра вместе с маленьким приемным сыном и преданной служанкой. Смелый малыш заводит дружбу с мрачным немым садовником по прозвищу Чудовище, а потом и сама Лили понемногу начинает доверять этому таинственному человеку, к которому ее почему-то тянет все сильнее. Девушка не знает, что под маской Чудовища скрывается королевский солдат Аполлон Грейвс, виконт Килбурн, несправедливо объявленный опасным сумасшедшим убийцей...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-147086-9

© Хойт Э., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Элизабет Хойт

Мое любимое чудовище

Elizabeth Hoyt
DARLING BEAST

© Nancy M. Finney, 2014

© Перевод. Е.А. Ильина, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава 1

В давние времена жил-был царь, который и дня не мыслил без войны. Одеждой ему служили доспехи. Даже во сне он разрабатывал планы сражений и слышал крики врагов...¹

Апрель 1741 года

Лондон, Англия

Будучи матерью семилетнего мальчика, Лили Стамп привыкла вести беседы на самые странные темы. Ей приходилось размышлять, носят ли рыбы одежду; глубоко и обстоятельно рассуждать о происхождении засахаренных слив с последующей лекцией о том, почему маленьким мальчикам нельзя завтракать ими каждый день, а уж печально известный спор о том, почему собаки лают, а кошки – нет, и вовсе повторялся с завидным постоянством. По этим причинам ее нельзя было осуждать за то, что за ленчем она не обратила никакого внимания на заявление сына о появлении в их саду чудовища.

– Индио, – произнесла Лили с едва заметной ноткой раздражения в голосе, – тебе обязательно нужно вытирать липкие пальцы о Нарцисску? Не думаю, что ей это по нраву.

К сожалению, это было вопиющей ложью. Нарцисска – очень молодая и очень глупая рыжая левретка с белым пятном на груди – уже радостно выгибала свое изящное тело и крутилась волчком в попытке слизнуть со спины сладкое пятно.

– Мама, – терпеливо повторил мальчик, откладывая в сторону намазанный джемом хлеб, – ты не слышала, что я сказал? У нас в саду поселилось чудовище.

Индио даже подался вперед, чтобы подчеркнуть значимость своих слов. При этом его выюющаяся темная прядь упала на голубой глаз. Другой глаз мальчика был зеленого цвета, что некоторых приводило в замешательство, но Лили уже давно к этому привыкла и не придавала значения удивленным взглядам или замечаниям.

– И у него есть рога? – с абсолютно серьезным видом поинтересовалась третья представительница этого маленького семейства.

– Мод! – зашипела на нее Лили.

Мод Эллис с грохотом поставила тарелку с сыром на слегка подпаленный с одной стороны стол и уперлась руками в тощие бока. Мод разменяла шестой десяток и, несмотря на свое миниатюрное телосложение – она доходила Лили лишь до плеча, – никогда не стеснялась говорить то, что думает.

– Что ж, может, он увидел самого дьявола?

Лили предостерегающе прищурилась. Индио частенько снились кошмары, и потому этот разговор вовсе не казался ей безобидным.

– Индио не видел ни дьявола, ни чудовища, коль уж на то пошло.

– Нет, видел, – упрямо заявил мальчик. – Только рогов у него не было. Зато плечи во-от такие. – Он раскинул руки так широко, как только смог, едва не опрокинув на пол миску с морковным супом: ее ловко подхватила Лили, к огромному разочарованию Нарцисски.

– Прошу тебя, ешь свой суп, Индио, пока он не оказался на полу.

– Значит, то был не Брауни², – решительно заключила Мод, усаживаясь на свой стул. – Уж больно они маленькие, хоть и умеют превращаться в лошадей. Твое чудовище превратилось в лошадь, дорогой?

---

¹ Мифы Древней Греции. Легенда о Минотавре. См. и далее: там же.

² В английском фольклоре – темнокожий домовый с растрепанной шевелюрой.

– Нет, Мод. – Индио отправил в рот полную ложку супа и, к сожалению, опять заговорил: – Оно выглядит как человек, только больше и страшнее. Руки у него как... как... – Изящные брови мальчика сходились на переносице, по мере того как он подыскивал подходящее для сравнения слово.

– Твоя голова, – услужливо подсказала Лили. – Треуголка. Нога ягненка. Нарцисска. Услышав собственное имя, левретка залилась лаем и принялась радостно кружиться.

– Он был мокрый или зеленый? – спросила Мод.

Вздыхнув, Лили оставила попытки урезонить сына, а Мод продолжила идентифицировать чудовище с помощью длинного списка фей и разных мистических тварей. Мод выросла на севере Англии и, судя по всему, сформировалась как личность на самых страшных сказках и легендах. Она частенько рассказывала их маленькой Лили, и в результате девочку мучили ночные кошмары. И сколько Лили ни пыталась запретить Мод рассказывать подобные истории сыну – в большинстве случаев это не приносило результатов.

Ее взгляд скользнул по захудалой комнате, куда они переселились не далее как вчера днем. У закопченной стены располагался маленький камин. Сундук с вещами Лили пришлось вплотную придвинуть к кровати Мод. Центр комнаты занимал стол и четыре стула. Возле камина приютились крошечный письменный стол и шаткий диван цвета темной сливы. Сбоку от него виднелась дверь в бывшую гардеробную, где теперь стояла кровать Лили впритык к раскладушке Индио. Эти две комнаты – все, что осталось от подсобных помещений великолепного театра «Хартс-Фолли». Сам театр и весь парк развлечений сгорели дотла прошлой осенью. Запах дыма все еще витал в этом месте подобно призраку, хотя большую часть обломков уже успели разобрать.

Лили передернулась. Возможно, мрачность этого места порождала монстров в воображении ее сына.

Индио прожевал большой кусок хлеба с джемом и убежденно заявил:

– Он живет в парке, и у него косматые волосы. Нарц тоже его видела.

Лили и Мод одновременно посмотрели на собаку. Нарцисска сидела рядом со стулом Индио и покусывала заднюю лапу, потом не удержала равновесие и завалилась на спину.

– Возможно, Нарцисска просто объелась, вот ей и померещилось невесть что, – дипломатично заметила Лили. – Мы вот с Мод ничего такого не замечали.

– Вообще-то я встретила вчера у причала весьма подозрительного лодочника с огромным носом, – пробормотала Мод, но когда Лили бросила на нее предостерегающий взгляд, поспешно добавила: – Нет, никакого чудовища я, конечно же, не видела, только лодочника с носом, похожим на грушу.

Индио обдумал услышанное.

– У того тоже большой нос. – Разноцветные глаза мальчика округлились и заблестели от возбуждения. – И крюк. Наверное, он разрывает им детей на части, перед тем как съесть!

– Индио! – воскликнула Лили. – Довольно.

– Но, мама...

– Нет. А теперь почему бы нам не обсудить рыбью одежду или... или как научить Нарцисску выполнять команды и подавать голос?

Индио шумно вздохнул.

– Да, мама, – понурил он голову, явив собой воплощение уныния.

Лили вдруг подумала, что когда-нибудь из него получится великолепный драматический актер, и бросила умоляющий взгляд на Мод, но та лишь покачала головой и склонилась над тарелкой.

Лили откашлялась и не очень уверенно проговорила:

– Думаю, дрессировка пойдет Нарцисске на пользу.

– Пожалуй. – Индио проглотил последнюю ложку супа, зажал в кулаке хлеб и, посмотрев на Лили своими большими глазами, попросил: – Можно, я выйду из-за стола, мама?

– О, да, конечно.

Мальчик в мгновение ока спрыгнул со стула и поспешил к двери. Нарцисска с лаем бросилась за ним.

– Не ходи к пруду! – крикнула вслед сыну Лили, однако дверь, что вела в сад, уже захлопнулась у него за спиной.

Лили тяжело вздохнула и перевела взгляд на Мод.

– У меня не слишком хорошо получается, верно?

Та пожала плечами.

– Наверное, могло бы быть и лучше, но он чувствительный мальчик: совсем как ты в его возрасте.

– Я?

Когда-то Мод Эллис нянчила Лили, но со временем стала для нее больше чем няней. Пожилая дама была весьма суеверна, но, несмотря на это, Лили безоговорочно доверяла ее мнению во всем, что касалось воспитания детей, что оказалось весьма кстати, когда она осталась с сыном одна.

– Думаешь, мне стоит пойти за ним?

– Да, но не сейчас, немного погодя. Пусть успокоится. – Мод указала своим острым подбородком на тарелку Лили. – Лучше это доест, золотце.

Уголки губ Лили изогнулись в улыбке: так приятно слышать это ласковое обращение!

– Как бы мне хотелось подыскать для нас другое жилье, не это убожество... – Она осеклась, не желая лишний раз вспоминать, во что превратился некогда прекрасный парк развлечений.

– Да, жутковатое, – согласилась не отличавшаяся деликатностью Мод. – Все эти обгоревшие деревья, обрушившиеся здания, и ни души на целые мили вокруг по ночам. Каждый вечер я кладу под подушку маленький мешочек с чесноком и шалфеем. Что и тебе советую.

– Мм... – уклончиво пробормотала Лили, которой вовсе не улыбалось просыпаться от резкого запаха чеснока и шалфея. – Во всяком случае днем здесь находятся рабочие.

– Кучка грязных оборванцев, – решительно тряхнула головой Мод. – Не знаю, где мистер Харт нашел этих так называемых садовников. Не удивлюсь, если выяснится, что он подобрал их на улице или еще хуже... – Она подалась вперед и хрипло прошептала: – Снял с корабля, направлявшегося в Ирландию.

– О, Мод, – мягко укорила няню Лили. – Не знаю, почему ты так не любишь ирландцев: им просто нужна работа, так же как и остальным.

Мод фыркнула, энергично намазывая масло на хлеб.

– Кроме того, – поспешно добавила Лили, – мы здесь только до тех пор, пока мистер Харт не поставит новую пьесу, в которой у меня будет главная роль.

– И где же он собирается ее ставить? – спросила Мод, окинув взглядом обугленные балки над головой. – Для начала ему нужно построить новый театр, но прежде привести в порядок парк, а на это потребуется год, а то и больше.

Поморщившись, Лили хотела было возразить, но Мод закусил удила: потрясая перед Лили куском хлеба, так что на стол посыпались крошки, она заявила:

– Никогда ему не доверяла! Слишком уж любезен и болтлив. Сладкие речи мистера Харта способны заставить птаху спорхнуть с дерева к нему в ладонь, чтобы потом прямым отправиться в печь. А еще... – Мод намазала на хлеб последний кусок масла. – Он способен уговорить любую актрису, у ног которой лежит весь Лондон, играть только в его театре.

– Справедливости ради надо сказать, мистер Харт не предполагал, что театр и сам парк сгорят дотла.

– Твоя правда, но он точно знал, что, переманив тебя к себе, сильно рассердит мистера Шервуда. – Мод выразительно вонзила зубы в хлеб.

Лили сморщила нос. Мистер Шервуд – владелец «Ковент-Гардена» и ее бывший работодатель – слыл личностью довольно мстительной. Он пообещал сделать так, что Лили никогда больше не найдет работу в Лондоне, если примет предложение мистера Харта, посулившего ей жалованье вдвое больше того, что платил он сам.

Это не представляло для Лили проблемы до тех пор, пока не случился пожар в «Хартс-Фолли». Вот тогда она и обнаружила, что мистер Шервуд сдержал слово. Отныне ни один театр Лондона не желал предоставлять роли опальной актрисе.

И после полугода без работы, потратив все свои сбережения, Лили была вынуждена съехать из стильно обставленных меблированных комнат и поселиться в этих двух каморках.

– Зато мистер Харт не берет с нас денег за проживание, – выдвинула слабый аргумент Лили.

К счастью, что сказала на это Мод, понять не удалось из-за того, что ее рот был занят супом.

– Ладно. Пожалуй, мне действительно следует отправиться за Индию, – сказала Лили, поднимаясь из-за стола.

– А как быть с твоим обедом? – спросила Мод, указав на недоеденный суп.

– Поем позже. – Лили закусила губу. – Ужасно беспокоюсь, когда он так расстроен.

– Ты слишком его балуешь, – фыркнула Мод, однако перечить не стала.

Лили постаралась скрыть улыбку: если уж кто и баловал Индию, то сама няня.

– Я скоро вернусь.

Мод махнула рукой, и Лили направилась к двери. Петли душераздирающе заскрипели, одна и вовсе треснула от жара огня и отошла от панели. День выдался пасмурный. Тяжелые серые тучи снова предвещали дождь, порывы ветра разбивались о почерневшую землю. Задрожав от холода, Лили крепко обхватила себя руками, пожалев, что не взяла шаль.

– Индию!

Порыв ветра заглушил ее крик, и Лили беспомощно огляделась. Огонь и весенние дожди превратили некогда прекрасный парк развлечений в наполненную грязью и копотью топь. Живые изгороди, обрамлявшие посыпанные гравием дорожки, выгорели дотла и теперь извивались, исчезая вдали, почерневшие и безжизненные. Слева от Лили виднелись останки каменной площадки и галерея, где располагались развлекавшие гостей музыканты. Теперь ряды полуразрушенных колонн подпирали лишь небосвод. Справа торчали из земли черные стволы деревьев, из-за которых проглядывала зеркальная поверхность водоема – декоративного пруда, теперь засоренного илом. Кое-где сквозь толстый слой сажки пробивались зеленые побеги, однако Лили вынуждена была признать, что в столь пасмурный день, как сегодня, со стелющими по земле клочьями тумана парк выглядел весьма неприятно и пугающе.

Лили поморщилась: не стоило отпускать Индию в сад одного, – но как же трудно удержать в четырех стенах активного маленького мальчика. Лили двинулась по одной из садовых дорожек и, поскользнувшись в грязи, пожалела, что не надела башмаки на толстой деревянной подошве. Если придется искать сына еще некоторое время, ее легкие расшитые туфельки будут безвозвратно испорчены.

– Индию!

Лили обогнула то, что некогда было небольшой рощицей аккуратно подстриженных деревьев, почерневшие ветви которых теперь беспокойно шелестели на ветру.

– Индию!

Из зарослей донеслось ворчание, и Лили остановилась как вкопанная.

И опять этот звук – громкое раздраженное фырканье. Звуки были слишком громкими, слишком низкими для человека – словно их издавал... огромный зверь.

Лили поспешно огляделась по сторонам, но вокруг ни души, она совершенно одна. Может, стоило вернуться и позвать на подмогу Мод? Но ведь Индио здесь!

Снова ворчание, на этот раз более громкое, какой-то треск, чье-то тяжелое дыхание.

Господь всемогущий! Лили подхватила юбки на случай, если ей придется бежать, и медленно двинулась вперед.

Стон и низкий звук, похожий на рык.

Лили судорожно сглотнула и осторожно выглянула из-за обгоревшего ствола. Сначала то, что она увидела, напоминало огромный движущийся холм, покрытый грязью, но потом это нечто выпрямилось, явив ее взору широченную спину, огромные плечи и косматую голову.

И Лили, не сдержавшись, издала звук, угрожающе похожий на писк.

Нечто развернулось – гораздо проворнее, чем можно было ожидать от существа таких невероятных размеров, – его ужасное, покрытое сажей лицо приобрело злое выражение, а лапа поднялась, словно ее обладатель вознамерился ударить Лили. В лапе был зажат загнутый на конце острый нож.

Лили сглотнула. Если доживет до конца дня, то непременно извинится перед Индио, ибо в парке действительно обитало чудовище.

День не задался с самого начала, считал Аполлон Грейвс, виконт Килбурн. По грубым подсчетам, добрая половина древесных насаждений парка развлечений погибла, и, вполне возможно, такая участь ждала еще четверть растений. Источник, питавший декоративный пруд, оказался завален головешками, и теперь вода в нем изрядно застоялась. Садовники, которых нанял для Аполлона Аса, в большинстве своем оказались непригодными для работы. В довершение ко всему весенние дожди превратили руины «Хартс-Фолли» в настоящую топь, что вынуждало отложить работы в парке до тех пор, пока не просохнет земля.

И вот теперь здесь появилась эта незнакомка.

Аполлон смотрел в огромные зеленые, оттенка лишайника, глаза, обрамленные такими темными и густыми ресницами, что казалось, будто они вымазаны сажей. Женщина или девушка? Она была не слишком высокой, однако беглый взгляд на лиф ее платья убедил Аполлона в том, что она вполне себе взрослая – благодарение Богу, – просто очень миниатюрная, да к тому же одета в дурацкое платье из зеленого бархата, чрезмерно расшитого алыми и золотыми нитями. На ней даже не было шляпки. Темные волосы выбились из пучка на затылке, и теперь непослушные локоны хлестали ее по раскрасневшимся от ветра щекам. Вообще-то она довольно хорошенькая – этакая девчонка-сорванец.

Впрочем, это не имело никакого значения.

Откуда, черт возьми, она взялась?

Насколько он знал, в разрушенном парке остались лишь так называемые садовники, которые в данный момент трудились над восстановлением изгородей позади пруда. Аполлон как раз вымещал свое разочарование на мертвом пне, пытаясь выкорчевать его вручную, поскольку единственную ломовую лошадь использовали другие работники, когда услышал женский крик, а потом перед ним неожиданно возникла и сама незнакомка.

Женщина ошеломленно заморгала и перевела взгляд на поднятую руку Аполлона.

Проследив за ее взглядом, он поморщился и, повернувшись на звук, поднял руку машинально, но она наверняка восприняла зажатый в его руке нож для обрезки ветвей как угрозу.

Аполлон поспешил опустить руку и теперь стоял перед незнакомкой в заляпанной грязью рубахе и жилете, и ее изысканная женственность заставляла его чувствовать себя безмозглым животным.

Его жест очевидно придал ей уверенности, она выпрямилась, хотя это не сделало ее выше, и спросила:

– Кто вы такой?

Вообще-то ему хотелось задать ей такой же вопрос, но, увы, он не мог, и виной тому нападение, которому он подвергся в психиатрической лечебнице.

Виконт Килбурн запоздало вспомнил, что должен вести себя как простой рабочий, потянул себя за волосы и опустил глаза, уставившись на изящные расшитые туфельки, перепачканные грязью.

Кто эта женщина?

– Отвечайте немедленно, – властно потребовала незнакомка, несмотря на то что ее ноги утопали в грязи. – Кто вы такой и что здесь делаете?

Аполлон несколько мгновений смотрел на ее лицо: изогнутые брови, зажатую между зубами пухлую розовую нижнюю губу, – потом опять опустил глаза, постучал себя по горлу и покачал головой. Если после этого незнакомка ничего не поняла, значит, не так умна, как могло показаться на первый взгляд.

– О, – произнесла женщина, пока Аполлон смотрел на ее туфли, – я не догадалась сразу. – Ее хрипловатый голос звучал мягче, когда Аполлон опустил глаза. – Впрочем это не важно. Вы не можете здесь оставаться, поймите.

Незнакомка не видела, как у него от удивления округлились глаза. О чем это она? Он работал в саду, и она наверняка это видела. Кто она такая, чтобы ему приказывать?

– Вы. Не можете. Оставаться. Здесь. – Женщина произнесла эти слова громко и отчетливо, как если бы разговаривала с глухим.

Некоторые полагали, что раз Аполлон не может разговаривать, то у него проблемы и со слухом. И сейчас он поймал себя на том, что недовольно хмурит брови, хотя тотчас же взял себя в руки.

– О господи, – немного помолчав, пробормотала женщина. – Понимает ли он меня? Пове- рить не могу, что мистер Харт позволил...

Только теперь до Аполлона дошло, что исполненное разочарований утро сменилось совершенно нелепым днем. Эта смехотворно одетая женщина приняла его за слабоумного.

Ножка в вышитой туфельке принялась постукивать по грязи.

– Посмотрите на меня, пожалуйста.

Аполлон медленно поднял голову, постаравшись сохранить невозмутимое выражение лица.

Изогнутые брови незнакомки над большими глазами сошлись на переносице. Наверное, она не сомневалась, что придала взгляду строгость, но на самом деле получилось очаровательно. Теперь она походила на девчонку, которая собралась выбрать котенка за разлитое молоко. По телу Аполлона прокатилась волна возмущения. Ей не следовало находиться в этом жутком месте без сопровождающих. Окажись здесь кто-нибудь другой – наподобие тех, что бесчинствовали в лечебнице, – ее достоинство, а может, даже и жизнь могли оказаться под угрозой. Разве у нее нет мужа, брата или отца, которые позаботились бы о ее безопасности? Такая хрупкая женщина – находка для хулиганов и грабителей.

Аполлон заметил, что выражение ее лица стало более доброжелательным. И причиной тому наверняка было его молчание.

– Вы не можете мне ответить, верно? – спросила она мягко.

Аполлон и раньше сталкивался с жалостью окружающих, когда те узнавали, что он утра- тил способность разговаривать. Обычно это вызывало в нем дрожь ярости и какого-то ужасаю- щего отчаяния. Ведь прошло уже девять месяцев после несчастья, а он все еще не был уверен, что когда-нибудь сможет заговорить. Но вопрос незнакомки не пробудил в нем привычного гнева. Возможно, причиной тому – ее женские чары: уже на протяжении долгого времени ни одна дама, кроме его сестры, не пыталась вступить в диалог с ним. А может, она просто не как все – в ее голосе слышалось участие, а не презрение, и это меняло его отношение к ее словам.

Аполлон покачал головой, не сводя взгляда с незнакомки и стараясь сохранить глуповатое и безучастное выражение лица.

Вздыхнув, она обхватила себя обеими руками и, оглядевшись по сторонам, пробормотала:

– Ну и что мне делать? Я не могу оставить Индио одного.

Аполлон постарался не выказать удивления: кто или что такое «Индио»?

– Уходите! – наконец произнесла она решительно, несказанно его удивив, и пальцем указала направление.

Килбурн с трудом сдержал улыбку: а она так просто не сдастся, верно? – и медленно повернулся, безвольно открыв рот.

– О! – Ее изящные пальцы сжались в кулачки, когда она закатила глаза. – Безумие какое-то!

Она быстро подошла к нему и с силой толкнула в грудь.

Аполлон изобразил слабость и чуть пошатнулся, потом выпрямился. Незнакомка замерла и посмотрела на него снизу вверх. Ее макушка едва доставала ему до середины груди, губы ощущали ее легкое дыхание, а тепло ладоней, казалось, обжигало даже сквозь грубую ткань жилета. Вблизи зеленые глаза незнакомки выглядели поистине огромными, и Аполлон даже сумел разглядеть золотистые искорки вокруг зрачков.

Губы ее приоткрылись, и его взгляд упал на них.

– Мама!

Свистящий шепот заставил вздрогнуть обоих.

Аполлон резко развернулся. На грязной дорожке среди зарослей стоял маленький мальчик в красной курточке. Его кудрявые темные волосы ниспадали на плечи, лицо было напряженным. Рядом с ним виляла хвостом самая нелепая собака из тех, что Аполлон когда-либо видел. Изящная маленькая левретка с рыжей шерстью и завернутыми на левый бок ушами, вздернутой головой на тоненькой шее и свисающим изо рта розовым языком выглядела донельзя испуганной.

Заметив, что мужчина пошевелился, собака сначала замерла, а затем развернулась и бросилась наутек по грязной тропинке. Лицо мальчика сморщилось от такого предательства, но он тут же расправил свои маленькие плечи и гневно сверкнул глазами.

– Эй, вы, отойдите от нее!

Ну наконец-то, хоть какой-то защитник. Аполлон, правда, надеялся увидеть кого-то более внушительного.

– Индио! Вот ты где. – Женщина поспешно отошла от мужчины, отряхивая подол платья. – А я тебя обыскала.

– Прости, мама. Мы с Нарц исследовали окрестности.

Аполлон заметил, что мальчик не спускает с него глаз, и это ему очень понравилось.

– В следующий раз ограничь свои исследования территорией рядом с театром. Я не хочу, чтобы ты заблудился или встретился с кем-то, кто может... – она осеклась и нервно бросила взгляд на мужчину, – ...представлять опасность.

Тот изобразил выражение безобидности на лице, что, к сожалению, было неубедительно при его комплекции. К пятнадцати годам он вырос до шести футов, за последующие четырнадцать лет к ним добавилось еще несколько дюймов, а еще широкие плечи, огромные руки и лицо, которое его сестра однажды любовно сравнила с маской горгульи.

Опасения его подтвердились, когда незнакомка взяла сына за руку и отошла подальше.

– Идем, нужно поискать Нарцисску.

– Но, мама, – громко зашептал мальчик, – как быть с чудовищем?

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кого ребенок имел в виду. Аполлон едва сдержал вздох, а незнакомка решительно произнесла:

– Не волнуйся, я непременно поговорю об этом с мистером Хартом. Завтра никаких чудовищ здесь уже не будет.

В последний раз нервно взглянув на этого огромного мужчину, незнакомка развернулась и повела сына прочь.

Прищурившись, Аполлон смотрел вслед ее удаляющейся спине – изящной и решительной. Зеленоглазка вряд ли будет довольна, когда узнает, кому из них двоих придется отсюда убраться.

Глава 2

У царя была огромная армия, с которой он шествовал по полям и горам, поработав встречавшиеся на пути народы, пока не добрался до острова, лежавшего посреди лазурного моря, точно жемчужина в раковине. Без труда захватив его, сраженный его красотой, он приказал возвести здесь золотой дворец, в котором собирался поселиться вместе со своей царицей, но в первую же ночь во дворце во сне ему явился черный бык...

Для владельца парка развлечений Аса Мейкпис жил едва ли не на грани нищеты, в арендованных меблированных комнатах, куда на следующее утро и направился Аполлон. Жилье Мейкписа находилось в Саутуарке, на правом берегу Темзы, неподалеку от «Хартс-Фолли».

Преодолев три пролета шаткой лестницы, Аполлон оказался на лестничной площадке, куда выходило две двери, и постучал в ту, что располагалась справа, а затем приложил к ней ухо. До его слуха донесся тихий шорох, за которым последовал приглушенный стон. Отстранившись, Аполлон вновь ударил кулаком по деревянной панели.

– Нельзя ли потише? – Дверь, та, что слева, распахнулась, явив взору Аполлона сморщенного пожилого мужчину, голову которого венчала мягкая шапочка из алого бархата. – Некоторые еще спят!

Килбурн развернулся вполборота, прикрывая лицо широкими полями шляпы, и примирительно взмахнул рукой.

Старик с грохотом захлопнул дверь в тот самый момент, когда Мейкпис отворил свою, стоя в дверном проеме и покачиваясь, словно от ветра. Его торчавшие в разные стороны рыжевато-каштановые волосы напоминали гриву льва, только что одержавшего победу в схватке. Расстегнутая рубашка являла взору волосатую мощную грудь. По счастью, бриджи он все-таки надел.

Аполлон протиснулся в комнату, хотя далеко и не продвинулся. В жилище Мейкписа кошке было бы негде положить хвост. Здесь все место занимали вещи, причем их количество увеличивалось с каждым днем. На полу, на столе и даже на стоявшей в углу огромной кровати с балдахином высились стопки книг. Возле стены рядом с чучелом ворона стоял портрет бородатого мужчины в полный рост. Далее возвышалась грозившая рухнуть в любой момент гора грязной посуды с многочисленными сколами и трещинами, которую буквально подпирала четырехфутовая модель корабля в полной оснастке. В одном из углов были беспорядочно свалены яркие театральные костюмы, а все свободные поверхности устилали разного рода бумаги: квитанции, расписки, документы.

Мейкпис закрыл дверь, и несколько листков спланировало на пол.

– Ну и чего ты приперся? Который вообще час?

Аполлон указал на массивные часы из розового китайского фарфора, венчавшие примостившуюся на столе стопку книг, но, приглядевшись, понял, что они остановились. О господи! Пришлось избрать самый надежный способ ответить на вопрос друга. Обойдя вокруг стола, Килбурн подошел к единственному окну и раздернул тяжелые бархатные шторы. Поднятое ими облако пыли весело закружилось в лучах яркого солнца, ворвавшихся в комнату.

– А-а-а! – взревел Мейкпис так, словно его проткнули вертелом, пошатнулся и рухнул на кровать. – Неужели у тебя нет ни капли милосердия? Хочешь сказать, что уже полдень?

Вздыхнув, Аполлон подошел к кровати, бесцеремонно отодвинул ногу хозяина, сел на край кровати, а потом достал из кармана блокнот, с которым никогда не расставался, и огрызок карандаша.

«Кто эта женщина в саду?» – написал на листке и показал Мейкпису.

Тот скосил глаза в попытке сфокусировать взгляд.

– Какая женщина? Ты с ума сошел, приятель? Нет никаких женщин, да и садов тоже нет, если только ты не имеешь в виду Еву в том самом саду. Но тогда это сделало бы тебя Адамом, и я дорого дал бы за то, чтобы на это поглядеть. Особенно ты был бы хорошо в набедренной повязке из дубовых листьев...

Пока Мейкпис бессвязно бормотал всякую чушь, Килбурн опять принялся писать, а потом сунул блокнот приятелю под нос, прервав его тираду на полуслове. «Зеленые глаза, симпатичная, в странном платье. Есть маленький сын по имени Индио».

– Ах, эта! – ничуть не смутившись, протянул Мейкпис. – Лили Стамп, лучшая комическая актриса современности... впрочем, просто лучшая, коль уж на то пошло. Она невероятно хороша: словно околдовывает аудиторию, особенно нашего брата. Выступает под псевдонимом Робин Гудфеллоу. Это очень удобно – жить под вымышленным именем.

Сам Мейкпис тоже был более известен как мистер Харт, и лишь немногие знали оба его имени. Псевдонимом он обзавелся почти десять лет назад, когда только открыл «Хартс-Фолли». Это решение было связано с его семьей, слишком религиозной, чтобы одобрять лицедейство и всяческие увеселения. Мейкпис все объяснил другу, когда тот спрашивал его об этом.

Аполлон написал: «Убери ее с территории парка».

Брови Мейкписа взметнулись вверх.

– Ну, знаешь, вообще-то парк мой, и мне решать...

Аполлон гневно сверкнул глазами, и Мейкпис поспешил поднять руки, сдаваясь:

– Хотя, конечно, твои инвестиции тоже весьма существенны.

Аполлон лишь фыркнул в ответ. Вот уж чертовски верное замечание! Он вложил в это предприятие все, что сумел наскрести четыре с половиной года назад, и поскольку большую часть этого времени провел в психиатрической лечебнице, которую в простонародье именуют Бедламом, другого капитала или дохода у него не было, поэтому просто сбежать из Лондона он не мог до тех пор, пока «Хартс-Фолли» не начнет приносить доход. Только тогда виконту Килбурну удастся вернуть свои деньги.

Именно поэтому он принял решение взять на себя контроль над восстановлением уничтоженного пожаром парка.

Мейкпис со вздохом уронил руки.

– Но я не могу приказать мисс Стамп покинуть территорию «Хартс-Фолли»: ей просто некуда идти.

Мейкпис перекатился на кровати, внезапно насторожившись, а Килбурн терпеливо ждал. В его немоте было огромное преимущество: собеседнику приходилось говорить за двоих.

Мейкпис понюхал собственную подмышку, поморщился, а потом стянул с себя рубашку и заговорил:

– Я фактически украл ее у Шервуда из «Ковент-Гардена». По какой-то причине этот осел воспринял это как личную обиду и лишил ее возможности найти работу в Лондоне. На прошлой неделе она пришла ко мне и сказала, что ей больше нечем платить за жилье...

Аса пожал плечами и швырнул грязную рубашку в угол, а виконт принялся гневно писать в блокноте: «Я не смогу сохранить инкогнито, если по парку будут расхаживать посторонние».

Мейкпис усмехнулся.

– А как насчет нанятых нами садовников? Их присутствие не вызвало у тебя раздражения.

«С этим ничего нельзя поделать: без них никак. К тому же ни один из них не обладает и сотой доли ума миссис Стамп».

– Мисс Стамп. Насколько я знаю, мистера Стампа не существует.

Аполлон изумленно заморгал и вскинул голову, затем написал: «А мальчик?»

– Ее сын. – Мейкпис потянулся к кувшину с водой, на удивление полному, и вылил его содержимое в щербатый таз. – Ты же знаешь этот театральный люд. Не будь таким пуританином.

Значит, она не замужем, хотя это совершенно неважно. Мисс Стамп сочла его умалишенным, к тому же он прятался от людей короля после побега из Бедлама, а значит, должен сохранять инкогнито.

Вздохнув, Аполлон написал: «Ты должен подыскать ей другое жилье».

Мейкпис вскинул голову, чтобы прочитать оказавшуюся у него перед носом записку, и его рот открылся, точно у выловленного из воды карпа.

– Боже милостивый! Какая замечательная идея, Килбурн! И как это мне самому в голову не пришло! Может, просто отправить ее в мой фамильный замок в Уэльсе, а? Правда, он малость обветшал, но пяти дюжин или около того слуг и сотни акров земли должно с лихвой хватить, чтобы компенсировать любые неудобства. А может, ей больше придется по нраву имение на юге Франции?

Килбурн прервал этот язвительный монолог, макнув друга головой в таз. Мейкпис взревел и встряхнулся, как мокрый пес, так что Аполлон изрядно промок.

– Кхе-кхе... – послышалось деликатное покашливание, и друзья разом обернулись.

На пороге жилища Мейкписа стоял невысокий джентльмен, грациозно опершись на трость эбенового дерева, украшенную позолотой. Его необычный розовый костюм был щедро расшит ярко-голубыми, зелеными, золотыми и черными узорами. На нем не было привычного белого парика, а лишённые пудры золотистые волосы, тщательно завитые, аккуратно удерживал на затылке черный бант. В ту ночь, когда «Хартс-Фолли» сгорел дотла, Килбурн впервые встретился с Валентайном Нейпиром, седьмым герцогом Монтгомери, сразу же мысленно окрестил его хлыщом, и за прошедшие месяцы его мнение об этом джентльмене совершенно не изменилось. На то попросту не было причины. Впрочем, кое-что к характеристике он бы все же добавил. Монтгомери представлялся ему не просто хлыщом, а хлыщом опасным.

– Джентльмены. – Верхняя губа Монтгомери дрогнула в некоем подобии улыбки, словно его позабавило увиденное. – Надеюсь, я не помешал?

Незванный гость хитро прищурился, отчего Килбурн втянул голову в плечи.

– Разве что моему утреннему туалету, – буркнул Мейкпис, проигнорировав намек, схватил полотенце и принялся энергично тереть волосы. – Вы вполне можете уйти и вернуться в более подходящее время, ваша светлость.

– Ах да, ведь вы такой занятой человек! – усмехнулся Монтгомери, поддев кончиком трости с золотым набалдашником стопку бумаг, возвышавшуюся на стуле, и те посыпались на пол, подняв облако пыли.

Еле заметная улыбка, на мгновение мелькнувшая на лице Монтгомери, вызвала в памяти Аполлона воспоминание про серого кота, которого когда-то держала его мать. Это коварное существо любило прогуливаться по каминной полке в гостиной и грациозно смахивать на пол украшавшие ее безделушки. Кот, прежде чем перейти к следующей вещице, невозмутимо наблюдал, как украшение разбивается о мрамор.

– Прошу вас, присаживайтесь, – протянул Мейкпис, выдвигая ящик комода и доставая оттуда чистую рубашку.

– Благодарю, – без тени смущения произнес Монтгомери и, опустившись на стул, скрестил ноги и смахнул невидимую ворсинку с шелка своих бриджей. – Я пришел узнать, как обстоят дела с моими капиталовложениями.

Аполлон нахмурился. Ему с самого начала не понравилась идея брать деньги у герцога, но обладавшему невероятным даром убеждения Мейкпису удалось его уговорить. И все же Килбурн не мог отделаться от ощущения, что они заключили сделку с дьяволом. Монтгомери

провел за границей более десяти лет, прежде чем неожиданно вернулся в Лондон. Несмотря на то что его титул и фамилия всегда были на слуху, казалось, никто не знал, что это за человек и чем занимался в годы своего отсутствия.

Этот ореол таинственности неизменно становился причиной зуда между лопатками Аполлона.

– Хорошо, – громко произнес Мейкпис. – Дела идут превосходно. Смит прекрасно справляется с обустройством парка.

– Сми-и-ит, – протянул герцог нелепое имя, данное Мейкписом другу, превратив его в свистящее шипение, потом развернулся к Аполлону и слащаво улыбнулся. – Помнится, мистер Мейкпис сказал, что вас зовут Сэмюель. Это так?

– Он предпочитает, чтобы его называли Сэмом, – проворчал Мейкпис, а потом поспешно добавил: – Ваша светлость.

– Конечно. – Монтгомери продолжал улыбаться, словно каким-то своим мыслям. – Мистер Сэм Смит. Вы не родственник Горация Смита из Оксфордшира?

Аполлон отрицательно мотнул головой.

– Нет? Жаль. У меня имеются кое-какие интересы в тех краях. Впрочем, это очень пространенное имя, – пробормотал герцог. – Могу я поинтересоваться вашими планами относительно парка?

Аполлон перелистнул несколько страниц в своем блокноте и показал герцогу. Тот, подавшись вперед и поджав губы, принялся внимательно изучать сделанные рукой Аполлона наброски и наконец произнес, откидываясь на спинку стула:

– Очень хорошо. Я заеду чуть позже, чтобы увидеть все воочию, договорились?

Килбурн и Мейкпис переглянулись, и Аса ответил за двоих:

– В этом нет необходимости, ваша светлость.

– Назовите это прихотью, если хотите. В любом случае я приеду, так что ждите меня, мистер Смит.

Аполлон мрачно кивнул. Было непонятно, что именно его так беспокоило, но ему совершенно не нравилось, что герцог вынюхивает что-то в парке.

Монтгомери крутил в руках трость, наблюдая за бликами света, игравшими на поверхности золотого набалдашника.

– Полагаю, нам вскоре понадобится архитектор для проектирования и восстановления построек в парке.

– Сэм совсем недавно начал работы, – заметил Мейкпис. – Дел немало. Вы сами видели, в каком состоянии парк. Так что у нас еще достаточно времени, чтобы подыскать архитектора.

– Нет, – решительно возразил Монтгомери. – Если мы собираемся открыть парк для посещения в следующем году, то времени нет.

– В следующем году? – воскликнул Мейкпис.

– Именно. – Поднявшись со своего места, Монтгомери неторопливо направился к двери. – Разве я не сказал? Боюсь, я не отличаюсь терпением. Если парк не будет готов принять посетителей и к апрелю следующего года, мне придется потребовать назад вложенные в него средства. – У двери он развернулся и одарил присутствующих своей ангельской улыбкой. – С процентами.

С этими словами он мягко прикрыл за собой дверь.

– Проклятье! – беспомощно буркнул Мейкпис.

И Аполлон не мог с этим не согласиться.

– Наираспутнейший... есть такое слово? – спросила Лили у Мод спустя несколько дней.

Она сидела за столом, исполнявшим в их жилище множество функций, в то время как Мод развешивала возле камина белье.

– Наираспутнейший, – медленно повторила Мод, словно пробуя слово на вкус, и решительно покачала головой, вешая на сушилку одну из рубашек Индио. – Нет, никогда не слышала.

Проклятье! Недовольно надув губы, Лили посмотрела на пьесу, над которой работала. «Исправившийся мот». «Наираспутнейший» – чудесное слово, побольше бы таких.

– Ну разве так уж важно, что это слово не вполне обычное? Уильям Шекспир придумал немало новых слов, не так ли?

Мод перевела взгляд на воспитанницу.

– Ты очень умна, золотце, но далеко не Шекспир.

– Хм.

Лили вновь сосредоточилась на рукописи. Новое слово казалось ей просто идеальным – такое озорное и наводящее на размышления, совсем как героиня ее пьесы. И тот факт, что никто не придумал ничего подобного до нее, совсем не означал, что это слово нельзя использовать в речи.

Лили обмакнула перо в чернильницу и написала еще одну строчку: «Вейстрел мог быть наираспутнейшим, но при этом его конечно же нельзя назвать наирасточительнейшим».

Склонив голову набок, Лили смотрела на высыхающие чернила. Хм. Два выдуманных слова в одном предложении. Лучше не сообщать об этом Мод.

Кто-то постучал в дверь.

Лили и Мод замерли и одновременно посмотрели на дверь, поскольку прежде подобного не случалось. Конечно, они жили здесь меньше недели, но все же. Мимо полуразрушенного здания кто-то проходил не так уж часто.

Лили сдвинула брови.

– Где Индио?

Мод пожала плечами.

– Ушел гулять сразу посла ленча.

– Я же просила его не уходить далеко, – пробормотала Лили, и в груди ее шевельнулось мрачное предчувствие. На следующий день после встречи с «чудовищем» в парке Лили поговорила с мистером Хартом, но тот повел себя на удивление непреклонно и заявил, что жуткого вида великана прогнать он не может. Ни один из доводов Лили его не убедил, и в конце концов она вынуждена была уйти прочь в совершенно расстроенных чувствах. К счастью, немой больше не отваживался приблизиться к зданию театра, но, к сожалению, Индио почему-то к нему так и тянуло. Несколько раз мальчик сбегал в парк вместе с Нарцисской, не обращая внимания на слова матери о таившихся кругом опасностях, которые поджидают непослушных мальчиков.

Лили со вздохом поднялась со своего места и направилась к двери. Ей придется еще раз поговорить с Индио о «чудовище», если, конечно, он появится. Но за дверью обнаружила незнакомого мужчину в фиолетовом костюме, стоявшего к ней спиной и разглядывавшего парк.

Он развернулся, и Лили едва не ослепла от его вселявшей тревогу красоты. На нее смотрели ясные голубые глаза в обрамлении длинных ресниц цвета шоколада, высокие скулы, четкая линия челюсти и красиво очерченные губы могли вызвать зависть даже у привлекательной дамы, а голову его венчали идеально завитые гладкие золотистые локоны. Вся его внешность словно доказывала, сколь несправедливым может быть Провидение.

В детстве Лили едва ли не каждую ночь молилась, чтобы стать обладательницей подобных волос, а сейчас лишь ошеломленно моргала.

– Э... я могу вам чем-то помочь?

Незнакомец одарил Лили обезоруживающей улыбкой.

– Я имею удовольствие видеть прославленную Робин Гудфеллоу?

Лили выпрямилась, вздернула подбородок и одарила незнакомца ответной улыбкой, которая, она знала это наверняка, могла быть совершенно сногшибательной. Возможно, фигуру Лили Стамп и не назовешь идеальной, ее отнюдь не золотистые локоны зачастую в беспорядке торчали в разные стороны, а ее саму по ночам мучили страхи и сомнения, но у Робин Гудфеллоу все эти недостатки напрочь отсутствовали. Ведь та слыла очень популярной актрисой, которую любил весь Лондон, и она об этом знала.

Поэтому Робин Гудфеллоу одарила этого привлекательного мужчину улыбкой, сдобренной необходимой долей кокетства, и, ей-богу, ошеломила его.

– Да, это так, – ответила Лили хорошо поставленным грудным голосом.

В прекрасных голубых глазах незнакомца она видела восхищение.

– А... В таком случае позвольте представиться: Валентайн Нейпир, герцог Монтгомери. Мистер Харт сообщил, что вы проживаете в театре, и я решил с вами познакомиться.

Он снял отороченную кружевом черную треуголку, взял трость в другую руку и отвесил низкий поклон.

За спиной у Лили что-то загремело, но она не стала оборачиваться, а вместо этого кокетливо склонила голову и присела в реверансе.

– Очень рада знакомству, ваша светлость. Может быть, чашечку чая?

– Почту за честь, мэ.м.

Развернувшись на каблуках, Лили многозначительно посмотрела на нянюшку. Они не ожидали подобных визитов, но Мод довольно долго вращалась среди театрального люда и умела держать лицо.

– Сегодня такой чудесный день. Мы выпьем чаю в саду, Мод.

– Да, мэ,м, – ответствовала та, тотчас обратившись в идеальную служанку.

Обернувшись, Лили увидела, что герцог с любопытством ее рассматривает.

– Не слишком ли холодно для чая в саду?

Однако Лили и глазом не моргнула. Герцог прекрасно знал, почему она не пригласила его в полуразрушенное здание: Лили вовсе не собиралась демонстрировать плачевное состояние своих дел.

– Да, немного прохладно, ваша светлость, но я так люблю свежий воздух. Конечно, если вы предпочитаете душное помещение...

– Нет-нет! – поспешил возразить герцог с блеском в глазах.

Лили одержала победу, он прекрасно это понимал и благосклонно принял свое поражение. Герцог отошел в сторону, когда на пороге появилась Мод с двумя стульями в руках. Стулья были совершенно разные, но Лили не собиралась за это извиняться. Показывая свою слабость перед столь родовитым джентльменом, она уподобилась бы мыши, выскочившей из норки прямо перед носом у поджидавшего ее кота.

Герцог любезно указал на стул, и Лили грациозно опустилась на него, в то время как гость занял место напротив. Герцог двигался с ленивым изяществом, скрывавшим, по мнению Лили, истинную, весьма опасную, свою сущность.

Герцог окинул взглядом разоренный парк.

– Довольно мрачное местечко, не находите?

– Вовсе нет, ваша светлость, – солгала Лили. Не думал же он, в самом деле, что она попадет на столь примитивную уловку? – Атмосфера парка невероятно загадочна. Я нахожу ее совершенно очаровательной. К тому же она чудесным образом влияет на мое сценическое мастерство. Актриса должна во всем находить вдохновение для себя и своего искусства.

– Рад это слышать, – вкрадчиво заметил герцог, – ведь, как вам, должно быть, известно, теперь я совладелец «Хартс-Фолли».

Похоже, Лили чем-то себя выдала: произвольным жестом или удивленно округлившимися глазами, – но герцог подался вперед и протянул:

– О... вы не знали?

Лили усилием воли сохранила самообладание и как можно беспечнее сказала:

– Меня не посвящают во всякие пустяковые дела, связанные с парком, ваша светлость.

– Ну разумеется, – пробормотал герцог, когда рядом вновь возникла Мод, на этот раз с небольшой скамейкой для ног. Поставив ее между хозяйкой и гостем, она исчезла за дверью театра, а Монтгомери, вскинув бровь при виде скамейки, обратился скорее к ней, нежели к Лили: – Но эти «пустяковые дела» ставят меня в положение вашего... – он тактично откашлялся и взглянул на Лили, – ...работодателя.

В этот момент явилась Мод с подносом в руках и избавила Лили от необдуманного ответа.

Лили улыбнулась, когда Мод поставила поднос и налила чай в чашки, выдержала ее внимательный взгляд и пробормотала слова благодарности, давая понять, что в помощи не нуждается.

Еле слышно фыркнув, няня удалилась.

– Она очень вам предана, не так ли? – заметил герцог.

Лили сделала глоток. Чай оказался жидковатым – должно быть, Мод использовала последнюю заварку, – но зато горячим.

– Разве может быть иначе, если слуги хорошие, ваша светлость?

Герцог вскинул голову, как если бы всерьез задумался над ее замечанием, прежде чем решительно ответить:

– Конечно. Слуга может быть весьма компетентным и даже превосходным мастером своего дела, но при этом презирать хозяина. – Его губы на мгновение изогнулись в подобии улыбки. – А потому их следует держать в узде.

Лили внутренне передернуло: отвратительно! Впрочем, чего еще ждать от таких, как Монтгомери: они жонглируют жизнями простых людей с такой же легкостью, с какой Индио ворошит палкой муравейник, ничуть не задумываясь о том, что наносит урон своими действиями.

– Боюсь, у нас разные точки зрения по этому вопросу, – пробормотала Лили.

– Вот как? – вскинул брови герцог. – Стало быть, вы готовы позволить лошадям бегать как им вздумается?

– Люди не лошади.

– Верно, но у слуг те же функции: служить своему господину, – возразил герцог. – Во всяком случае, так должно быть. В противном случае они бесполезны и от них необходимо избавляться.

Лили посмотрела на герцога, ожидая увидеть блеск в его глазах или едва заметную улыбку, которые могли бы свидетельствовать, что он пошутил, но выражение его красивого лица оставалось совершенно серьезным.

Так он что, не шутил?

Не сводя глаз с собеседницы, герцог сделал глоток.

– Вы со мной не согласны, мисс Гудфеллоу?

– Нет, ваша светлость, – очаровательно улыбнулась Лили, – не согласна.

Его пухлые губы изогнулись в улыбке – загадочной и порочной.

– А вы всегда говорите то, что думаете, мэм? Это очень... бодрит. Скажите, у вас есть покровитель?

Боже милостивый! Да она скорее легла бы в постель со змеей. К тому же его слова – по сути, откровенное предложение – прозвучали оскорбительно.

Мисс Стайл изобразила улыбку, хотя с каждой минутой делать это ей становилось все труднее, как и сохранять вежливое выражение лица.

– Внимание вашей светлости мне очень льстит, но желания обзаводиться покровителем у меня нет.

– В самом деле? – Герцог скептически окинул взглядом осыпающиеся стены здания, где жила Лили, и с нотками вежливого сомнения в голосе заключил: – Впрочем, я же готов найти другое применение вашей... э... персоне, которое, пожалуй, вам понравится больше. Через несколько недель один мой знакомый устраивает званый вечер и планирует поставить пьесу, специально написанную для данного мероприятия. Он нанял профессиональную труппу, но, к сожалению, ведущая актриса оказалась не в состоянии играть. – Лицо герцога искривилось в гримасе отвращения. – Недомогание деликатного свойства. Ну, вы понимаете...

– Конечно, – холодно ответила Лили, искренне посочувствовав актрисе, оставшейся из-за беременности без работы. Дай бог, чтобы о бедняжке было кому позаботиться. Сама Лили вряд ли справилась бы без помощи Мод, когда Индио появился на свет. – Но я удивлена, ваша светлость.

Герцог склонил голову набок, и в его голубых глазах вспыхнул интерес.

– В самом деле?

– Никогда бы не подумала, что вы можете удостоить своим вниманием организацию простой домашней постановки.

– Есть у меня такая маленькая слабость: время от времени оказывать друзьям небольшие услуги, – с улыбкой проговорил Монтгомери. – Ведь таким образом они оказываются у меня в долгу.

Лили судорожно сглотнула: может, он решил и ее использовать, чтобы сделать должницей? Вероятно. Впрочем, это не имеет никакого значения: ей нужна работа. Частные театральные представления были весьма популярны, но довольно редки, поскольку обходились строителям весьма недешево. Лили просто повезло, что ей предложили принять участие в такой постановке.

– Я не против сыграть в пьесе.

– Чудесно! – искренне обрадовался герцог. – Мне сказали, что репетиции начнутся не раньше чем через пару недель: пьеса требует доработки. Я свяжусь с вами. Итак, договорились?

– Спасибо, буду ждать.

Губы герцога растянулись в ленивой улыбке.

– Я слышал весьма хвалебные отзывы о вашем таланте, мисс Гудфеллоу, так что с нетерпением буду ждать званого вечера и спектакля.

Лили обдумывала подходящий ответ на комплимент Монтгомери, когда из-за почерневших деревьев вдруг возник ураган, разбрызгивая грязь, а за ним семенил такой же грязный черно-рыжий шар.

– Мама! Мама! Ты ни за что не догадаешься...

Индио застыл на месте при виде гостя и неожиданно замолчал, зато Нарцисска не удосужилась последовать его примеру. Маленькая собачонка остановилась и, напротив, залилась визгливым лаем, да так энергично, что ее тонкие передние лапы отскакивали от земли.

Герцог смотрел на собаку, еле заметно прищурившись, и Лили внезапно ощутила беспричинный страх за свою питомицу.

Из дома выбежала Мод, подхватила левретку на руки, и та, решив выказать свою любовь, принялась вылизывать лицо служанки розовым языком.

– Ну-ну, довольно, – пожурила собачку Мод и позвала мальчика: – Иди сюда, Индио.

Ребенок шагнул к ней, но Монтгомери прикоснулся к его плечу, останавливая, и перевел взгляд на Лили:

– Это ваш сын?

Та кивнула, почувствовав, как ее руки, лежавшие на коленях, сжимаются в кулаки. Она не понимала, почему герцог вдруг так заинтересовался Индио, но ей это не понравилось, совсем не понравилось...

Монтгомери чуть приподнял длинным указательным пальцем подбородок мальчика, несколько секунд смотрел в его любопытные глаза, потом тихо протянул:

– Очаровательно... Глаза разного цвета. Кажется, нечто подобное я однажды уже видел.

Он перевел взгляд на Лили и одарил ее своей змеиной улыбкой, а Индио за ними обоими с любопытством наблюдал.

На следующий день Килбурн занимался осмотром декоративного пруда. Уже перевалило за полдень, и солнце оставило попытки пробиться сквозь пелену серых облаков. Последние три дня под его руководством рабочие очищали от мусора ручей, впадающий в пруд. Это была очень грязная работа, но результат того стоил: уровень воды в пруду постепенно поднимался. Дугообразный старый каменный мост соединял берег с островком посреди пруда, и выглядело это очень романтично. Аполлон разглядывал пейзаж, раздумывая, чем можно его оживить, когда ближайшие кусты зашуршали, а потом наступила тишина.

Аполлон постарался сделать вид, будто не заметил мальчика, тем более что тот замер, точно прячущийся от лисы заяц.

Килбурн еще раз оценил вид, соединив пальцы в рамку. Изначально он собирался снести мост, изрядно пострадавший от огня, но, рассмотрев его под разными углами, решил, что можно превратить его в живописные руины, если правильно подобрать растения. Пейзаж очень украсит дуб на берегу, заросли камыша и какое-нибудь цветущее дерево на острове.

Подумав о посадках, Аполлон горестно вздохнул. Это была еще та проблема. Большая часть деревьев погибла при пожаре, а чтобы вырастить новые, потребуются годы. Он где-то читал, что французы научились пересаживать взрослые деревья, но сам не пробовал и понятия не имел, как это делается.

Впрочем, подумать об этом время есть, а сегодня ему предстояло выкорчевать еще одно погибшее дерево.

Он развернулся, но тут его правая нога поехала по скользкому берегу. Удержавшись от падения, Аполлон судорожно втянул носом воздух, посмотрел на свою ногу и досадливо поморщился. Ботинок покрывала дурно пахнущая зеленая тина, густо устилавшая берег там, где раньше его скрывала вода.

Из-за кустов послышался тихий возглас: очевидно, мальчик испугался, когда большой дядя чуть не упал. Аполлон никак не мог взять в толк, чем заинтересовал этого малыша. Он выполнял ту же нудную и утомительную работу, что и остальные садовники, однако мальчик наблюдал только за ним. Вообще-то Аполлон заметил, что с каждым днем Индио боится его все меньше и прячется совсем неподалеку, вот как сегодня: укрылся в кустах всего в нескольких футах от него. Создавалось впечатление, что мальчик хочет с ним познакомиться и делает так, чтобы его заметили.

Аполлон наклонился, поднял с земли оснащенное длинной рукояткой тесло, взмахнул им над головой и с силой вонзил в мягкую землю у корневища обгоревшего пня. Тяжелое орудие издало смачный глухой звук: удар пришелся по толстому корню.

Отерев вспотевший лоб рукавом рубахи, Аполлон высвободил тесло и замахнулся снова.

– Нарц, – раздался из кустов свистящий шепот.

Губы Аполлона дрогнули в улыбке. Индио выбрал себе в напарники не слишком-то опытного друга-шпиона. Судя по всему, левретка не понимала намерений своего юного хозяина и в этот самый момент выбежала из укрытия, уткнув мордочку в землю, куда больше заинтересованная каким-то запахом, нежели отчаянным шепотом Индио.

– Нарц! Нарциска!!

Аполлон вздохнул: ну не мог он сделать вид, будто не заметил собаку: да, он нем, но не слеп и не глух.

Левретка тем временем неторопливо подошла к его ногам. Очевидно, за ту неделю, что Индио за ним шпионил, собачка утратила всякий страх, а может, ей просто наскучило сидеть на одном месте. Как бы то ни было, она понюхала пень и тесло, а потом вдруг резко села и принялась энергично скрести лапой ухо.

Аполлон протянул собачке руку, чтобы тоже понюхала, но глупое животное испуганно отскочило в сторону, а из-за того, что берег пруда был слишком близко, ее задние лапы заскользили по тине и, скатившись вниз, левретка упала в воду.

– Нарц! – Выскочив из своего убежища, мальчик бросился к пруду с округлившимся от ужаса глазами, но Аполлон выставил руку, преградив ему путь.

– Она утонет! – истерично выкрикнул малыш и попытался проскользнуть под рукой.

Подхватив ребенка на руки, Аполлон отнес его подальше от кромки воды, опустил на землю и, положив руки на плечи, наклонился, чтобы заглянуть в глаза. Сейчас сильнее, чем когда-либо, он страдал из-за своей немоты. Не в состоянии объяснить, что намерен предпринять, он решил, что лучше испугать, и зарычал. Уж пусть лучше малыш замрет от страха, чем утонет в попытке спасти собаку.

Индио и правда онемел и судорожно сглотнул.

Тем временем Аполлон поспешил снять ботинки, рубашку и жилет, не спуская глаз с мальчика, и тот, наконец, кивнул:

– Да, пожалуйста! Пожалуйста, спасите ее!

Не мешкая больше ни секунды, Аполлон шагнул в пруд. Собачка как раз появилась на поверхности, но вместо того, чтобы пытаться плыть, в панике била лапками по воде. Ухватив за холку, Аполлон поднял ее над поверхностью пруда. Выглядела собачонка довольно жалко: вода струями стекала с ее тонкого, как у крысы, хвоста и висячих ушей.

Пока огромный дядя брел к берегу, Индио напряженно наблюдал за ним. Вот он поднял с земли свою рубашку, завернул в нее дрожащую собачку и протянул сверток хозяйину.

Индио тотчас же прижал левретку к груди с блестящими от слез глазами, а та, заскулив, принялась облизывать его подбородок. Оторвав взгляд от дрожащей в его руках собачки, мальчик посмотрел на Аполлона.

– Спасибо.

Левретка закашлялась, поперхнулась и, широко открыв свою узкую пасть, исторгла на рубашку поток мутной воды.

Поморщившись, Аполлон отыскал выдавшую виды холщовую сумку. К счастью, он не доставал оттуда блокнот, поэтому тот не промок. Подавив дрожь, Аполлон присел на корточки и порылся в сумке, где лежал завернутый в чистую тряпицу пирог с мясом, оставшийся от обеда. Аполлон выпрямился во весь рост, и собачка тотчас же свесилась с рук своего хозяина и принялась жадно принюхиваться к свертку. Развернув тряпицу, Аполлон отломил кусочек и протянул собаке. Левретка выхватила угощение из его пальцев и тут же проглотила.

Аполлон едва не рассмеялся.

– Она любит корки, – робко пояснил мальчик.

Аполлон кивнул в ответ и протянул собаке еще кусочек.

– А еще она любит хлеб, колбасу, курицу, зеленый горошек, яблоки и сыр, – добавил Индио, заметно осмелев. – Однажды я дал ей изюма, но он ей не понравился. Это ваш обед?

Аполлон отдал собаке остатки пирога, та с жадностью проглотила лакомство и принялась тыкаться носом в его ладонь в поисках крошек. О недавнем купании в пруду, похоже, было забыто.

– Вы не ответили. Неужели отдали Нарциске свой обед? – сказал Индио, поглаживая свою любимицу по голове. – Вы... вы так любите собак?

Только сейчас Аполлон заметил, что у мальчика глаза разного цвета: правый – голубого, а левый – зеленого.

– Нарцисску мне подарил дядя Эдвин. Он ее в карты выиграл. Мама говорит, что ставить на кон щенка – ужасно. Нарцисска – левретка, или итальянская борзая, только ее привезли не из Италии. Мама говорит, что итальянцы любят крошечных собачек. Когда она была щенком, я думал, что это мальчик, и назвал Нарциссом, потому что это мой любимый цветок, а потом мне сказали, что она девочка, вот и...

Нарцисска начала вырываться, и Индио осторожно опустил ее на землю. Собачка выбралась из складок ткани, встряхнулась и подняла лапку, испачкав край рубашки.

Аполлон вздохнул: ну вот, теперь рубашку точно придется стирать.

Индио тоже испустил вздох.

– Мама говорит, что я должен ее воспитывать, чтобы она подчинялась командам. Только вот... – Мальчик погрузился. – Я не знаю, как это делается.

Аполлон закусил губу, чтобы сдержать улыбку, и перевел взгляд на мальчика, который смотрел на него своими доверчивыми разными глазами.

– Меня зовут Индио. Мы с мамой и няней живем там. – Он указал рукой на видневшееся в отдалении здание театра. – А няню зовут Мод. – Мальчик помолчал и вдруг спросил: – Вы что, не можете говорить?

Аполлон медленно покачал головой.

– Я так и подумал. – Сдвинув брови, Индио погрузил мысок ботинка в грязь. – Как вас зовут?

Ответить на этот вопрос он все равно не мог, поэтому просто взялся за работу. Аполлон потянулся за теслом, ожидая, что мальчик бросится наутек, но тот лишь отошел в сторонку, с интересом наблюдая за происходящим. Собачка неподалеку энергично копалась в грязи.

Аполлон промок и замерз на ветру, поэтому за работу взялся с удовольствием. Он уже занес тесло над головой, как вдруг услышал:

– Я буду звать вас Калибан.

Аполлон развернулся и удивленно посмотрел на мальчика, и тот, неуверенно улыбаясь, пояснил:

– Это из пьесы про волшебника, который живет на диком острове, и там же живет Калибан. Он такой же большой, как и вы, только может говорить. Вот я и подумал... Калибан³.

Аполлон беспомощно смотрел на мальчика, пока тот говорил, собачка, основательно вымазавшись, к чему-то принюхивалась. Ну как быть в этой ситуации? Ведь малыш наверняка еще не умеет читать. А нужно ли им общаться? Небезопасно ли? Ведь он скрывается от правосудия, за его голову назначено вознаграждение. К тому же мать мальчика ясно дала понять, что не желает видеть его рядом со своим сыном. Да и какой от него толк? Немой бедный работника, преступник...

Но Индио с раскрасневшимися от ветра щеками смотрел на него своими разноцветными глазами, улыбался с такой надеждой, что ему просто невозможно было отказать, и Аполлон вдруг понял, что кивает, вопреки здравому смыслу.

Калибан так Калибан, пусть он и мошенник. Это Килбурну еще повезло: ведь Индио мог назвать его Ником Боттомом с головой осла⁴.

---

³ Один из героев пьесы У. Шекспира «Буря», мошенник и невежда.

⁴ Герой пьесы У. Шекспира «Сон в летнюю ночь».

Глава 3

У черного быка не было никаких отметин. Он был красив и одновременно ужасен. Открыв пасть, он вдруг сказал на человеческом языке: «Ты захватил мой остров, и заплатишь за это». Проснувшись, царь подивился столь странному сновидению, но больше о нем не вспоминал...

– Индио!

Лили остановилась и окинула взглядом почерневший парк. Ей ужасно не хотелось запереть сына в полуразрушенном здании, но все же придется, если его исчезновения будут продолжаться. Солнце вскоре начнет клониться к закату, и заброшенный парк может таить в себе множество опасностей для маленького мальчика. А тут еще странный интерес, который проявил к нему герцог Монтгомери. Лили не понравилось замечание, отпущенное им по поводу цвета глаз ее сына, совсем не понравилось.

Встревожившись, Лили сложила ладони рупором и что есть силы закричала:

– Индио!

О, только бы с ним ничего не случилось! Пусть он вернется к ней веселый и довольный, даже если с ног до головы в грязи!

Лили устало побрела в сторону пруда. Забавно, что она опять начала молиться, когда вдруг столь неожиданно стала матерью. На протяжении многих лет она и не вспоминала о Всевышнем, а потом вдруг обнаружила, что в самые пугающие моменты короткой жизни Индио начинала шептать: «Дай Бог, лихорадка закончится... Помоги ему Господь, чтобы падение не имело последствий... Благодарение Господу, лошадь отвернула в сторону... О Господи, только бы не оспа! Все, что угодно, только не оспа!.. О, милостивый Господь, не дай ему потеряться!.. Господи, сделай так, чтобы это был не мой храбрый маленький мужчина, только не Индио...»

Лили зашагала быстрее и вскоре обнаружила, что почти бежит сквозь обугленные кусты ежевики и цепляющиеся за одежду ветки. Она никогда больше не выпустит его из дома, когда наконец отыщет: упадет на колени и крепко прижмет его к себе; отшлепает его и отправит в постель без ужина.

Дыхание Лили участилось, когда тропинка расширилась и вывела ее на открытое место перед прудом. Уже открыв было рот, чтобы позвать сына, внезапно она утратила дар речи: он был там – этот страшный человек, причем... стоял в пруду спиной к ней, совершенно обнаженный!

В ужасе заморгав, Лили застыла на месте. В этот предзакатный час в парке воцарилась зловещая тишина. Широкие плечи чудовища были ссутулены, голова опущена, словно оно что-то высматривало в воде. Возможно, его ошеломило собственное отражение, напугало? Лили почему-то стало его жаль: что поделаешь, если тело такое огромное, а мозг, напротив, крошечный. Лили подумала, что должна заговорить, дабы обнаружить свое присутствие, но все мысли тотчас вылетели у нее из головы, когда великан погрузился в воду.

Так она и стояла с открытым ртом.

Клонившееся к закату солнце пробилось сквозь пелену облаков и залило пруд золотистым светом, отражаясь от ряби на воде, оставленной движениями великана. Он вынырнул на поверхность – теперь лицом к Лили – и мышцы у него на руках напряглись, когда откинул с лица длинные, до плеч, волосы. Над водой в лучах закатного солнца клубился янтарный туман, отбрасывая отсветы на блестящую загорелую кожу мужчины и делая его похожим на бога этого

разрушенного парка. Жалость тотчас же испарилась, сожженная внезапным осознанием собственной ошибки.

Лили судорожно сглотнула.

Господь всемогущий! Да он великолепен! Вода стекала по его груди, прокладывая себе путь сквозь поросль блестящих от влаги темных волос между тугими от холода бусинами сосков, и устремлялась вниз, к неглубокому, идеальной формы пупку и темной линии волос, исчезающей – к вящему разочарованию Лили – в подернутой туманом воде.

Она, совершенно ошеломленная, заморгала и, подняв глаза, обнаружила, что великан, зверь, чудовище, смотрит прямо на нее.

Ей бы испытать чувство стыда: тарашится на умственно неполноценного – только вот сейчас выражение его лица совсем не было глупым, да и пристальный взгляд показался ей таким, словно его забавляла ситуация.

Нет, он совсем не выглядел умственно отсталым.

И как только она это осознала, произошло самое ужасное, невероятное и унижительное: ее накрыла волна острого желания.

Странно. Вчера она пила чай с одним из самых привлекательных мужчин Лондона: герцог Монтгомери обладал аристократической внешностью, скулами, глазами цвета сапфира и блестящими золотистыми волосами, – но осталась совершенно равнодушной. А вот это... животное со спутанными грязно-каштановыми волосами, звероподобными плечами, большим шишковатым носом, крупными, грубо очерченными губами и тяжелым лбом она сочла привлекательным.

Очевидно, пора подыскать нового любовника, и как можно скорее.

Мужчина двинулся к берегу, и лицо его опять превратилось в непроницаемую маску. Неужели проблеск разума в его глазах ей только почудился?

Лили тихонько вскрикнула при его приближении, но так и не отвернулась: похоже, у нее напрочь отсутствует стыдливость и она попросту не нашла в себе сил отвернуться. Ее взгляд упал на заросли темных влажных волос в промежности мужчины, когда он направился к ней и вода заструилась по его мускулистым бедрам. Увидела она и плоть, грубую, мужественную и...

– Мама!

Лили подскочила от неожиданности и резко развернулась, прижав руку к своему несчастному изношенному сердцу, которое едва не остановилось.

– Индио! – выдохнула она еле слышно, поскольку ее негодник сын выбрал именно этот момент, чтобы появиться из кустов.

Он стоял на той самой тропинке, по которой Лили пришла к пруду, с застрявшим в кудрявых темных волосах сухим листком. Нарцисска, еще грязнее обычного, припрыжку бросилась к Лили, поднялась на задние лапки и перепачканными передними вцепилась в подол ее платья.

– Мама, можно Калибан придет к нам на ужин? – выпалил Индио, уставившись на мать своими большими и совершенно невинными разноцветными глазами.

– Кто придет? – не поняла Лили.

– Калибан, – обернулся мальчик и ткнул пальчиком в человека за ее спиной.

Лили обернулась через плечо и увидела – к своему облегчению и в то же время разочарованию, – что мужчина не спеша застегивает пуговицы на своих поношенных штанах. Заходящее солнце высвечивало очертания его покрытых влагой плеч, его большие пальцы неуклюже возились с пуговицами. Проблеск разума в его глазах, привидевшийся Лили, померк, хотя, возможно, его никогда в них и не было.

Сдвинув брови, Лили вновь перевела взгляд на сына.

– Калибан? Это Калибан?

Мальчик кивнул.

– Да, это я дал ему это имя.

Лили давно поняла: с тех самых пор, как Индио научился говорить, их беседы походили на замысловатую паутину суждений и умозаключений, недоступную пониманию любого человека младше семи лет. Иногда Лили приходилось в буквальном смысле слова продирааться сквозь дебри.

– Дорогой, нас ждет Мод, так что...

– Пожалуйста. – Индио взял мать за руку и потянул к себе, явно желая что-то сказать. – Ему нечего есть, и он мой друг.

Лили беспомощно посмотрела на Калибана. Тот уже надел рубашку и теперь тарасился на нее с полуоткрытым ртом, а потом вдруг опустил руку и почесал свое... э... мужское достоинство, как это делают слабоумные. Это было странно: всего минуту назад он вовсе таковым не выглядел, – но, возможно, она все выдумала, возможно, просто хотела найти оправдание собственным низменным порывам, наделив объект своих мыслей качествами, коими он вовсе не обладал, и, возможно, придавала слишком большое значение тому, что произошло.

Заглянув в полные мольбы глаза сына, Лили приняла решение и, выпрямившись, громко сказала:

– Конечно, дорогой. Давай пригласим твоего друга на ужин.

За ее спиной раздался сдавленный звук, словно мужчина поперхнулся, но, когда Лили обернулась, глуповатое лицо Калибана не выражало ровным счетом ничего. Он кашлянул, харкнул, сплюнул в пруд и – о боже! – отер рот рукой.

Лили широко улыбнулась.

– Калибан, вы хотите есть? – Лили изобразила, будто подносит ложку ко рту и жует, потом указала на тропинку. – Есть. Вместе. С нами. В театре. Это будет вкусно.

Ее утрированная мимика и жесты выглядели смехотворно и даже оскорбительно для того, у кого с головой все в порядке. Лили внимательно наблюдала, не выдаст ли он себя: не изменит ли выражение лица или как-то иначе даст понять, что никакой он не слабоумный, – но он лишь глупо тарасился на нее.

Лили не впервые ошиблась в мужчине. Вздохнув и постаравшись убедить себя, что вовсе не разочарована, она развернулась, давая понять, что пора идти.

Индио же подошел к великану и как ни в чем не бывало взял его за руку.

– Идемте! Мод приготовила жареного цыпленка. А еще у нас будет подливка и клецки.

Калибан посмотрел на мальчика, потом на его мать, но Лили вскинула бровь, показывая, что все уже сказала и повторять не намерена, тем более ради слабоумного.

Ей показалось, или в его мутно-карих глазах действительно промелькнула какая-то искра, какой-то проблеск или даже вызов? Лили ничего не могла утверждать, поскольку не доверяла больше собственному восприятию.

Впрочем, это не имело никакого значения. Калибан медленно кивнул, и, развернувшись, Лили зашагала по тропинке. Сердце ее – глупое и непостоянное – билось почему-то вдвое быстрее обычного.

Ужин обещал быть весьма любопытным.

Это была очень плохая идея.

Аполлон шагал следом за мисс Стамп, наблюдая, как покачиваются из стороны в сторону при ходьбе ее юбки. Ее спина казалась совершенно неподвижной, а вот затылок выглядел нежным и незащитным. Шею ее скрывали от взоров темные локоны, спускавшиеся из тугого пучка. Аполлон, глядя на этот затылок, испытывал животное желание впиться в него зубами, попробовать на вкус нежную плоть, лизнуть солоноватую кожу.

Радуюсь, что прохладный вечерний воздух избавил его от конфуза, Аполлон сглотнул. У него не было причин принимать приглашение мисс Стамп. В руинах галереи, где раньше

располагались музыканты и где Аполлон обустроил место для отдыха, пока работал в саду, у него был припрятан еще один холодный пирог со свиной. Его одолевала усталость, мышцы ныли, влажная после стирки рубашка прилипла к плечам, причиняя дискомфорт.

Все, ради чего он столько работал, может быть потеряно для него навсегда, если кому-то станет известно, кто он такой на самом деле. И тем не менее он все еще сжимал ручонку маленького мальчика и следовал за его несносной матерью. Возможно, свою роль сыграло одиночество, а может, виной всему было выражение ее глаз, когда он вышел из воды и обнаружил, что она за ним наблюдает. Уж слишком много времени прошло с тех пор, когда женщина смотрела на него так, словно была очарована увиденным, словно желала большего...

Аполлон провел четыре года в Бедламе, и почти все это время был прикован цепью к стене в зловонной камере. Лишь в июле прошлого года ему удалось бежать, и с тех пор он вынужден был скрываться, что совершенно не способствовало удовлетворению физических потребностей, не говоря уж о жестоких побоях, из-за которых он лишился дара речи. Надсмотрщик потянулся к его...

Нет, только не сейчас думать об этом.

Аполлон втянул воздух, отгоняя прочь окутавшую его черную пелену стыда и гнева, и мальчик поднял на него глаза, полные недоумения и... боли?

– Калибан?

Только теперь Аполлон понял, что слишком сильно сжал его руку, и тут же ослабил хватку. Что это с ним? Для мужчины, который вырвался из Бедлама, и позаботился – причем основательно – о том, чтобы тот тюремщик больше никому не причинил вреда, было странно чего-то бояться.

Он свободен! Свободен!! Свободен!!!

Аполлон поднял голову: солнце застилало небо своим огненным покрывалом, клонясь к горизонту над разоренным парком. За театром, среди макушек обгоревших деревьев, можно было различить блеск могучей Темзы. Раньше это был чудесный парк развлечений, и когда они с Мейкписом закончат его восстанавливать, станет лучше прежнего.

Аполлон едва успел придать своему лицу глуповатое выражение, коим пользовался в присутствии других садовников, ибо в этот самый момент дверь распахнулась, на пороге театра возникла миниатюрная седовласая женщина, и, подбоченившись, рявкнула:

– Кто это с вами?

– Мы пригласили на ужин гостя, – ответила мисс Стамп, оглянувшись на Аполлона, и тому показалось, что в ее глазах вспыхнули озорные искорки. – А если точнее – этот тот, кто напугал Индио. Его имя, кстати, Калибан.

– Калибан? – Мод прищурилась и, склонив голову набок, критически осмотрела гостя. – Ну-ну... Хотелось бы мне знать, будет ли он в безопасности в нашей компании.

Аполлон почувствовал, как его потянули за руку, и посмотрел на Индио.

– Она милая. Правда, – прошептал тот.

– Не сердись, Мод, – тихо попросила Лили.

– Это мой друг, – поспешил объяснить мальчик. – Он не пожалел для Нарциски свой обед.

Услышав знакомое слово, собачка подбежала к мужчине и, зарывав, принялась терзать потрепанные штанины его брюк.

– Ну, раз так, вам всем лучше войти внутрь, – фыркнув, сказала Мод, и ее тон показался Аполлону сухим, точно пыль под ногами.

Индио подхватил собачку на руки и тем самым спас штаны Аполлона. Она тут же принялась облизывать его лицо, и мальчик со смехом пробежал мимо Мод. Его мать одарила гостя не поддающимся расшифровке взглядом и жестом пригласила внутрь. Аполлон пригнулся и вошел в пропахшее гарью помещение с покрытыми копотью стенами, пытаясь унять поселив-

шуюся в душе тревогу. Впрочем, причин подозревать, что мисс Стамп что-то заподозрила, не было.

В последний раз он находился в этом здании в тот самый вечер, когда пожар уничтожил парк. Аса Мейкпис был его старинным другом и единственным, кому Аполлон смог довериться после того, как сбежал из Бедлама. А через сутки случился пожар, после которого в воздухе витал удушающий запах дыма и разрушения.

Запах гари чувствовался в театре и сейчас, но произошли и некоторые изменения. Мисс Стамп и Мод постарались сделать свое временное жилище более уютным. Посреди комнаты стоял стол со стульями, на стене висела гравюра с изображением дам в ярких платьях, в камине потрескивали поленья, неподалеку примостилась вешалка для сушки белья, а на табурете рядом с камином виднелась корзинка с недовязанным носком и клубком серых ниток со спицами. На крошечном приставном столике возвышалась беспорядочная стопка бумаг, стояла заткнутая пробкой бутылочка чернил и щербатая кружка с перьями. На каминной полке тикали довольно уродливые часы, покрытые черной и зеленой эмалью, и в отличие от тех, что Аполлон заметил в жилище Мейкписа, они работали. Место перед камином занимал лилового цвета диван, один угол которого подпирали кирпичи.

Жилище мисс Стамп совсем не походило на те дома, в которых Аполлон привык бывать до того, как впал в немилость, и все же оказалось очень уютным.

– Ну, если осмотрелись, присаживайтесь, милорд, – нарушила молчание Мод, указывая рукой на один из стульев.

На какое-то леденящее душу мгновение Аполлон забыл, как дышать, но уже в следующий момент понял, что эти слова не несли в себе никакой подоплеки. В надежде на то, что ничем не выдал своего удивления, он кивнул и выдвинул стул, чтобы сесть за стол.

Но Мод, продолжая хмуриться, уточнила:

– Что с ним такое? Он не может говорить?

– Нет, не может, – просто сказал Индио, избавив гостя от необходимости прикидываться слабоумным.

– О... – Мод ошеломленно заморгала, явно застигнутая врасплох. – Ему отрезали язык?

– Мод! – одернула ее Лили. – Что за чудовищная мысль! У него есть язык. – Потом, словно вдруг усомнившись в собственных словах, с беспокойством посмотрела на гостя. – Ведь есть?

Аполлон недолго думая высунул язык, отчего Индио рассмеялся, а Нарцисска залилась лаем.

Мисс Стамп посмотрела на него так, что все тело обдало жаром, и он поспешил натянуть на лицо маску непонимания.

Фыркнув, Лили опустила на стул, а Мод проворчала:

– И что здесь такого? Мне же любопытно узнать, почему язык есть, а говорить он не может.

– Я не знаю. – Индио уселся за стол рядом с Аполлоном. – Зато сегодня он спас Нарцисску: она чуть не утонула.

Рука мисс Стамп, потянувшаяся было за куском курицы, застыла в воздухе.

– Тебе же нельзя даже приближаться к пруду, и ты прекрасно знаешь это, Индио!

– Я и не подходил, – попытался объяснить мальчик. – Это Нарц туда убежала. Калибан пошел за ней, достал из воды и завернул в свою рубашку. А потом Нарцисска ее облевала.

Женщины тут же устали на рубашку гостя, и Аполлон с трудом удержался, чтобы не поднять руку и не убедиться в том, что от рубашки больше ничем не пахнет.

Мисс Стамп покраснела до корней волос.

– Это вульгарное слово, Индио: я уже не раз говорила тебе об этом, – тем более за столом...

– Как же тогда сказать? – поинтересовался Индио и без всякого перехода добавил, не вполне логично: – А можно и мне кусок цыпленка?

Мод принялась раскладывать по тарелкам куски цыпленка с хрустящей румяной корочкой.

– Как вышло, что Калибан оказался рядом, когда Нарцисска упала в пруд? – громко спросила мисс Стамп, пытаясь скрыть неловкость.

– Он рубил пень таким огромны топором, – пояснил Индио, и Аполлону ужасно захотелось его поправить, но вместо этого он положил в рот кусок цыпленка. – А мы с Нарцисской гуляли, но не возле пруда, – поспешил успокоить мать мальчик. – Мы вообще туда не собирались.

Искоса взглянув на женщин, Аполлон понял, что они не верят ни единому слову врунишки.

– Стало быть, он садовник. – Лили взяла со стола бокал с вином и посмотрела на Аполлона с гораздо большим интересом, чем ему бы хотелось.

– Не простой садовник, – поправил Индио. – Он указывает другим садовникам, что делать.

От этих слов кусок курицы застрял у Аполлона в горле, он закашлялся, и Лили пришлось с силой похлопать его по спине.

– В самом деле? – удивилась она, внимательнее посмотрев на гостя.

Откуда, черт возьми, мальчику об этом известно? Ведь никто из рабочих не знал, что автор проекта нового парка именно он. Он таким способом оставлял инструкции для главного садовника – медлительного, но очень исполнительного Херринга, – что никто из его подчиненных даже не догадывался, что их работодатель трудится у них под носом.

– Почему ты так думаешь? – заинтересованно спросила Мод.

От неожиданности Аполлон опрокинул свою тарелку на пол. Жаль было жареного цыпленка, но ничего не поделаешь. Тарелка разбилась, осколки разлетелись по полу, со стола стекали остатки соуса. Нарцисска тут же подбежала и принялась жадно поглощать мясо, а Индио и Мод пытались оттащить ее в сторону от осколков, чтобы ненароком не проглотила.

Пока царила суматоха, Аполлон поднял голову и поймал на себе изучающий взгляд мисс Стамп. Ее зеленые глаза смотрели с подозрением, и он вдруг ощутил волнение сродни страху разоблачения, хотя скорее всего это было куда более сильное и опасное чувство.

Мод и Индио продолжали сражение с левреткой, ухитрившейся перемазать весь пол, но Лили словно застыла, устремив взгляд в мутно-карие глаза мужчины. Они не были оттенка кофе, или шоколада, или того чудесного китайского чая в маленьких красных пакетиках, которого Лили больше не могла себе позволить. Нет, цвет глаз Калибана не походил ни на один из напитков. Они были просто коричневыми, такими же тусклыми и невыразительными, как у бессловесного животного, но зато их обрамляли самые роскошные ресницы из всех, какие Лили когда-либо приходилось видеть: вовсе не длинные, но такие черные и густые, что придавали их обладателю экзотическую красоту. Почему она не заметила этого раньше? От глаз Калибана просто перехватывало дыхание, а загадочное мерцание в их мутно-коричневых глубинах просто сводило с ума и даже пугало. Потому что, если Индио прав и этот мужчина – этот незнакомец – не простой садовник, то, похоже, он совсем не тот, за кого Лили его приняла. Внезапно, окинув взглядом его мускулистую фигуру, она остро ощутила исходящую от него мужскую силу. И этот, по сути, незнакомец в ее доме, рядом с ее маленьким сыном и пожилой няней, которых некому защитить в случае чего.

Лили слишком хорошо знала, какие неприятности может причинить такой мужчина, и судорожно вздохнула, когда Индио уселся наконец на свое место между нею и Калибаном и, наклонившись, сказал ему на ухо:

– Если хотите, возьмите цыпленка у меня.

Лили не могла избавиться от предчувствия, что это розыгрыш. Ну не мог же немой действительно управлять садовниками! Или ее сын что-то не так понял, или Калибан не тот, за кого себя пытается выдать.

– Все в порядке, Индио, – произнесла она как ни в чем не бывало. – Мод положит гостью еще одну порцию.

Бывшая нянька бросила взгляд на воспитанницу, однако не сказала ни слова и, взяв последнюю целую тарелку, принялась наполнять ее едой.

– Индио, – осторожно начала Лили, коснувшись бокала с вином. Аппетит у нее пропал окончательно. – Расскажи мне, как случилось, что Нарцисска упала в пруд.

Ее маленький сын сморщил нос.

– Ну-у-у... Мы шли... с Нарцисской. А потом она вроде как поскользнулась.

Лили ждала, но Индио смотрел на нее подозрительно невинными глазами и молчал.

– Индио! – повысила голос Лили, давая понять, что ждет продолжения.

– В общем, Калибан быстро прыгнул в воду и вытащил Нарцисску, словно... словно... крысу.

Индио сконфуженно посмотрел на собаку, но та не обращала на хозяина никакого внимания, устроившись практически под стулом Калибана. Очевидно, ее маленький собачий мозг решил, что именно здесь можно пожить.

– Хм... – еле слышно произнесла Лили. – Надеюсь, подобного больше не повторится.

– Нет, мама, – пообещал мальчик, опустив голову.

– Индио, посмотри на меня.

Он поднял голову и виновато посмотрел на мать. Лили так хотелось обнять сына, но она заставила себя проявить строгость:

– Я запрещаю тебе даже приближаться к пруду, с Нарцисской или без нее. – Глубоко вздохнув, она добавила, уже мягче: – Только подумай, что могло бы произойти, если бы Калибана не оказалось рядом.

Индио перевел взгляд на собаку и судорожно сглотнул.

– Да, мама, я обещаю, что больше не подойду к пруду.

– Вот и хорошо. – Лили шумно выдохнула. Трудно сказать, вспомнит ли он о своем обещании, когда пруд в очередной раз поманит его к себе, но она хотела на это надеяться. Постаравшись придать своему голосу беззаботности, она спросила: – Чем еще ты сегодня занимался? Кажется, я не видела тебя с самого полудня.

– Мы с Нарц возвращались к чаю. Ты не помнишь? – Индио уже опять стоял на стуле на коленях, и Лили подумала, что надо отучить его от этой привычки. – Я писал в твоём...

Мальчик внезапно осекся и виновато посмотрел на сидевшего рядом великана. К счастью, Калибан наслаждался восхитительными клецками и, казалось, не обращал никакого внимания на беседу матери и сына.

– М-да... – буркнула Лили. – А что вы делали потом?

– Ходили к старой галерее, где раньше был оркестр, но... – заметив, как сходятся на переносице брови матери, мальчик заговорил быстрее: – ...но внутрь не вошли. А потом Нарцисска нашла жабу.

Лили с беспокойством взглянула на собачку, которая с мольбой смотрела на Калибана и трясла хвостиком, явно ожидая подачки.

– Но она ведь не поймала ее, надеюсь?

Нарцисска имела отвратительную привычку пробовать на зуб всякую гадость.

– Нет, – вздохнул Индио вроде бы даже с сожалением. – Жаба ускакала, но зато мы поймали сверчка. Я хотел забрать его с собой и посадить в коробочку, но Нарц его проглотила. Кажется, он ей не понравился.

Мод фыркнула:

– Может, потому она и облевалась?

– И ты туда же! – вполголоса произнесла Лили.

Мод закатила глаза.

– Предпочитаешь, чтобы я выразилась иначе?

– Я предпочитаю не обсуждать подобные вещи за столом, но, похоже, мое мнение никого не интересует. – Лили опять повернулась к сыну. – Раз уж ты все доел, думаю, пришло время принять ванну.

– Ма-а-а-ма, – разочарованно заканючил Индио, как и все мальчики его возраста при упоминании о ванне. – Ведь Калибан еще не закончил есть.

Лили натянуто улыбнулась.

– Ничего, Мод составит ему компанию.

– Но ведь ты тоже не доела, – простодушно заметил мальчик.

– Я уже сыта.

Поднявшись со своего места, Лили подошла к небольшому очагу, где тихонько кипел поставленный туда перед ужином чайник, и, взяв тряпку, хотела было снять его с огня, когда ее опередила большая мужская рука.

Лили едва не подпрыгнула от неожиданности и широко раскрытыми глазами посмотрела на Калибана, который подхватил тяжелый чайник точно пушинку. Хорошо еще, не голой ладонью: взял полотенце.

Он стоял с непроницаемым выражением лица до тех пор, пока Лили не пришла в себя.

– Пойдемте со мной.

Лили привела гиганта в крошечную комнатушку, где рядом с кроватью на подстилке из какого-то тряпья стояла маленькая оловянная ванна, наполовину заполненная холодной водой.

– Выливайте сюда.

Калибан поддержал чайник за дно полой рубашки, и взору Лили открылась тревожащая сознание полоска обнаженного живота. Она поспешно отвела взгляд, и щеки ее опалила краска смущения.

– Мама? – На пороге возник Индио.

– Входи, – быстро сказала она сыну, а потом повернулась к мужчине. – Спасибо за помощь. Можете вернуться к столу.

Молча развернувшись, великан вышел из комнатушки и закрыл за собой дверь.

Индио опустил ладошку в воду и спросил:

– Почему ты так разговариваешь с Калибаном?

– Как? – рассеянно спросила Лили и, закатав рукава, попробовала локтем воду, дабы убедиться, что она получилась нужной температуры.

Это была даже не ванна, а скорее неглубокий таз. Лили и сама пользовалась им, присев на корточки, поскольку ничего другого не было: большую медную ванну им пришлось продать.

– Словно он ничего не понимает, – пояснил Индио.

– Давай-ка раздевайся, – поторопила Лили сына, – а то вода остынет.

Мальчик вздохнул.

– Но он понимает.

Подбоченившись, Лили вскинула бровь.

– Калибан очень умный, – не унимался Индио, стягивая рубашку.

Лили закусил губу.

– Откуда ты знаешь?

Пожав плечами, Индио уселся на пол и принялся снимать чулки.

– Просто знаю, и все.

Сдвинув брови, Лили задумалась. У нее не было сомнений, что Калибан слабоумный. Неужели притворяется? Но зачем?..

– Мама, – нетерпеливо позвал мальчик, уже раздевшись. – Можно я искупаюсь сам? Я уже большой.

Лили считала это преждевременным: Индио сам мог вымыться в лучшем случае мордашку, руки и ноги, а об остальном, как правило, забывал, – но сейчас почему-то не стала возражать.

– Хорошо. Только вымойся как следует, а я попозже зайду, ладно?

– Да, мама, – ответил Индио, стягивая штанишки.

– Мод, не могла бы ты... – начала Лили, открыв дверь, и тут же осеклась.

Калибан стоял возле камина со страницей ее пьесы в руках, на лбу его залегли еле заметные складки, и внимательно читал текст.

Тихонько прикрыв за собой дверь, Лили скрестила руки на груди, словно хотела успокоить отчаянно колотившееся сердце, и вскинула бровь:

– Кто вы такой?

Глава 4

Девять месяцев спустя у царя родился первенец, но был он ужасен: с головой, плечами и хвостом быка. В остальном его тело было человеческим, а кожа черна, точно эбеновое дерево. Царица лишилась чувств, когда взглянула на чудовище, которое породила, и больше не оправилась от потрясения...

Медленно развернувшись, Аполлон уставился на мисс Стамп. Его так захватила пьеса, которую, как он подозревал, написала она, что он не услышал звука открываемой двери. Возможно, если бы он никак не отреагировал на ее слова...

Громко фыркнув, мисс Стамп сказала:

– Я не дуручка, знаете ли. И если читаете это... – она кивком указала на страницу в его руках, – то вы отнюдь не слабоумный. Так кто же вы и к чему этот цирк?

Что ж, он предпринял последнюю отчаянную попытку, но она не увенчалась успехом. Аполлон опустил листок на столик рядом с камином, тоже скрестил руки на груди и посмотрел на мисс Стамп. Что бы она ни думала, он действительно не мог говорить.

Мисс Стамп нахмурилась – весьма свирепо для столь миниатюрного создания – и потребовала:

– Отвечайте! Вы от кого-то прячетесь – возможно, от кредиторов? Как вас зовут?

Она оказалась очень близка к правде. Лучше сменить тему, пока у мисс Стамп не разыгралось воображение. Аполлон вздохнул, вытащил из кармана блокнот, открыл чистую страницу и написал: «Я не могу говорить».

Лили, взглянув на написанное, фыркнула.

– В таком случае хотя бы представьтесь: как ваше имя?

Аполлон вновь принялся писать: «Пусть будет Калибан».

Сдвинув брови, Лили уточнила:

– Вы в самом деле не можете говорить?

Теперь она смотрела на гостя явно с сочувствием, и, чтобы удовлетворить ее любопытство, а заодно и успокоить, Аполлон написал:

«Я не причиню вреда ни вам, ни вашим домочадцам».

Мисс Стамп прочитала написанное и пристально посмотрела на него, и этот взгляд поразила его. В ее зеленых, точно лишайник, глазах отражалось пламя свечей, в их бездонных глубинах мерцал свет. Она, безусловно, красива, но не в общепринятом понимании. Красота мисс Стамп выражалась не в пухлых щечках и сочных губках, а вот в этих колдовских, манящих, лучистых светло-зеленых глазах.

Ну почему эта встреча произошла только сейчас, а не в прошлой жизни, когда он мог предложить ей не только острый ум и крепкое тело, но и титул, положение в обществе, роскошную жизнь?

Аполлон взглянул на блокнот в руке. Сам того не желая, он сжал его с такой силой, что помял страницы. От осознания своего нынешнего положения беглого преступника, когда его титул не имел никакого значения, все в нем переворачивалось.

Мисс Стамп наклонила голову, чтобы прочесть надпись в блокноте, и на мгновение оказалась так близко, что Аполлон уловил исходящий от ее волос аромат: апельсин и гвоздика. Когда она подняла глаза, что-то, видимо, ее насторожило в его взгляде, и, сделав шаг назад, она спросила:

– Но почему вы здесь?

«Индио сказал вам правду: я садовник», – вздохнув, написал Аполлон.

Лили взяла из его рук блокнот, чтобы прочесть написанное, а потом, прежде чем он успел ее остановить, начала листать страницы.

– Вы ведь не просто садовник, не так ли? – Лили опустилась на старенький диван, не обращая внимания на то, как он угрожающе зашатался под ней.

Аполлон не решился рисковать хрупким предметом мебели, поэтому обошел вокруг стола, взял стул и поднес к дивану. Мисс Стамп в это время с интересом изучала набросок пруда с мостом на заднем плане. Аполлон поставил стул напротив дивана и сел.

Лили медленно перелистнула страницу и провела пальцами по следующему рисунку, на котором был изображен декоративный водопад.

– Чудесные рисунки. Парк действительно будет так выглядеть, когда вы закончите его восстанавливать?

Аполлон дождался, пока она на него посмотрит, и кивнул.

Ее брови сошлись на переносице, когда она перелистнула страницу. На следующем рисунке был изображен раскидистый, покрытый грубой корой дуб у подножия моста.

– Не понимаю. Где мистер Харт вас нашел? Полагаю, я бы знала, если бы в Лондоне работал такой талантливый садовник, к тому же немой.

Аполлон не мог ответить на этот вопрос, не выдав себя. Немного подождав, Лили перевернула страницу. Рисунок на следующей настолько привлек ее, что она повернула блокнот, чтобы получше его разглядеть.

– Что это?

Обе страницы разворота занимали линии. Какие-то пересекались, другие вели в никуда. Кроме прямых, здесь было и несколько волнистых линий, то тут, то там место между линиями занимали круги или квадраты.

Аполлон наклонился и, вдохнув аромат апельсина и гвоздики, написал на странице рядом с рисунком: «Лабиринт».

– О! Да, теперь я вижу. – Лили склонила голову набок, изучая схему, потом указала на круг и квадрат. – А что вот это?

«Искусственные руины – места, где могут посидеть влюбленные и где можно полюбоваться разными красотами».

– А это? – Лили провела пальцем по волнистым линиям.

Аполлон втянул носом аромат мисс Стамп, радуясь, что сумел ее заинтересовать, и негодуя из-за того, что не может поведать ей о своих планах нормальным человеческим языком.

Он протянуло руку и быстро перелистнул страницы блокнота, который Лили все еще держала в руках, вырвал чистый листок, положил на колено и начал быстро писать. Карандаш так быстро скользил по бумаге, что едва не порвал ее в нескольких местах. «Волнистые линии – это части живой изгороди, которые еще можно восстановить после пожара. Растения уцелели».

Аполлон показал ей написанное, подождал, пока прочтает, а потом, прежде чем она успела что-то сказать, вырвал у нее блокнот.

«Прямые линии – это новые зеленые насаждения. Лабиринт станет центральным элементом парка. По одну сторону от него – пруд, по другую – театр, поэтому из театра можно будет через лабиринт любоваться прудом. В самом театре можно устроить смотровые площадки, с которых посетителям откроется вид на лабиринт и тех, кто там находится. Это станет...»

Карандаш все-таки прорвал бумагу, и Аполлон разочарованно сжал кулаки. Слова буквально бурлили у него внутри, не в силах вырваться наружу. И вдруг изящные пальцы накрыли его кулак – прохладные и успокаивающие.

Аполлон поднял глаза.

– Красиво, – произнесла Лили. – Это будет очень красиво.

На мгновение у него перехватило дыхание. Глаза мисс Стамп, такие большие и серьезные, говорили, что она очарована его простенькими рисунками и проделанной работой. Это

было удивительно, потому что мало кто интересовался тем, что он делал. Даже Аса начал зевать от скуки, если Аполлон пытался поделиться с ним своими планами, касающимися реконструкции парка. А вот эта немного похожая на мальчишку-сорванца женщина смотрела на него, словно на волшебника.

Аполлон задался вопросом, знает ли она, насколько соблазнительна сейчас.

Словно вдруг осознав, что позволила себе слишком расслабиться в его обществе, мисс Стамп покраснела и, отстранившись, сказала:

– Удивительно. Чудесно. Буду с нетерпением ждать возможности прогуляться по вашему лабиринту, хотя уверена, что вряд ли из него выберусь. Никогда не была сильна в головоломках. Думаю, мне потребуется проводник. Возможно...

В этот момент открылась входная дверь, и мисс Стамп вскочила с дивана.

– О, Мод, где ты была?

– Спустилась к причалу за угрями: мне лодочник обещал. – Мод поставила на стол корзину со свежесвыловленной рыбой. – Скучали по мне, а? – Заметив, как гость забрал из рук Лили блокнот, нянька удивленно уставилась на них и спросила: – И что это, по-вашему, значит?

– А то, что Калибан вовсе не умственно отсталый, хотя и делает все, чтобы его считали таковым, – ответила Лили.

– Значит, он может говорить?

Обе женщины воззрились на гостя, и он почувствовал, как к шее прилился жар.

– Нет, не может. – Лили откашлялась и сменила тему: – Индио купается. Мне надо проследить, чтобы он не забыл помыть уши и не залил пол водой.

И она поспешила в другую комнату, а Мод принялась выкладывать из корзины угрей.

– Принесла воды с реки, чтобы вымыть посуду: ведро там, возле двери. Если не трудно, принесите его сюда.

Сунув блокнот в карман, Аполлон отправился за ведром. Если бы он знал, что им нужна вода, то сходил бы за ней сам.

Он поставил ведро рядом с камином, чтобы вода нагрелась, прекрасно осознавая, что пожилая служанка наблюдает за каждым его движением. И не ошибся: когда обернулся, она продолжала бурлить его взглядом.

– У вас есть язык, Лили сказала, что вы вовсе не глупый, каким хотите казаться. Так может, тогда объясните, почему не можете говорить?

Аполлон машинально открыл рот, словно собирался ответить. В конце концов, он привык за двадцать восемь лет, что слова всегда сами собой, без каких-либо усилий выходили изо рта. Так ведь все просто, так обыденно... Но вот уже девять месяцев у него отсутствует то, что отличает людей от животных: речь.

И, возможно, это навсегда.

Аполлон пытался заговорить и раньше: пытался на протяжении дней и недель, – но все заканчивалось лишь саднящим горлом. Вспомнился тот день, когда в горло ему вонзился ботинок, когда на него плотоядно смотрел санитар психиатрической лечебницы, угрожая отправить в ад, и Аполлон опять почувствовал, как горло сжимает судорога, лишая его всякой надежды и присущего каждому человеческому существу дара речи.

В комнату вернулась мисс Стамп, и Аполлон не понял, что именно она увидела на его лице и что заставило ее одарить служанку гневным взглядом.

– Перестань его доносить, пожалуйста. Он не может говорить. И совершенно не важно почему, по крайней мере для нас.

Наверное, со стороны могло показаться, что он слабак, но Аполлон с благодарностью принял попытку мисс Стамп его защитить. Какая-то часть его души восставала против такого проявления трусости. Ведь мужчина – даже мужчина, лишенный дара речи, – не должен прятаться за женской юбкой. Наклонив голову, чтобы избежать взглядов обеих женщин, он напра-

вился к двери. Визит сюда был ошибкой, и он знал это с самого начала. Ему не стоило поддаваться соблазну и приходиться в этот дом, да и вообще не стоило предпринимать попыток общаться с другими людьми, словно он по-прежнему был нормальным.

Маленькая и почему-то мокрая рука попыталась его удержать. Аполлон пребывал в таком смятении, что едва не отпрянул, но вовремя взял себя в руки и остановился.

Индио смотрел на него снизу вверх, и капли с его мокрых кудряшек падали на ночную рубашонку. Брови мальчика сошлись на переносице, и в его не по-детски серьезном взгляде почему-то полыхала боль.

– Вы уходите?

Аполлон кивнул.

– О... – Отпустив его руку, мальчик пожевал нижнюю губу. – А вы еще придете? Мы с Нарц будем вас ждать.

Аполлон нахмурился: что ответить? Ему не стоило сюда возвращаться: это опасно, и не только потому, что женщины могли раскрыть его инкогнито.

– Пожалуйста, приходите, – услышал он мягкий голос мисс Стамп и удивленно посмотрел на нее.

Зеленые глаза смотрели спокойно и твердо. Потом он опять переключил внимание на мальчика и кивнул.

Его реакция оказалась мгновенной и бурной. Лицо Индио расплылось в широкой улыбке, он ринулся вперед, словно собирался обнять гостя, и лишь в последнюю минуту заставил себя остановиться и протянул руку. Маленькая ладошка исчезла в широкой ладони мужчины, и все же он пожал ее так, словно это был герцог в бархатном камзоле, а не босой семилетний мальчик в мокрой рубашонке.

Как ни хотелось Аполлону что-нибудь сказать, он опять только кивнул и вышел за дверь, но все-таки услышал, как пожилая служанка сказала мисс Стамп:

– Ну ты и дурочка.

Чтобы писать остроумные диалоги, с горечью думала Лили на следующий день, нужно самой быть очень остроумной, но в данный момент она не чувствовала себя таковой. Она сидела и тупо наблюдала, как левретка прыгала по старому дивану, пытаясь схватить муху, то и дело промахивалась и плюхалась со спинки на сиденье, а один раз едва не упала на пол.

Лили со стоном опустила голову на руки. Печально чувствовать себя ничуть не умнее Нарцисски.

– Дядя Эдвин! – В кои-то веки Индио гулял рядом с театром, поэтому Лили отчетливо услышала через дверь его исполненный восторга крик.

Она поспешно привела в порядок письменный стол, аккуратно сложила бумаги и подняла с пола упавшее перо.

В следующее мгновение дверь распахнулась, и, пригнувшись, в комнату вошел Эдвин Стамп со свертком под мышкой и племянником на плечах.

Позади них шагала Мод с корзиной выстиранного белья и с кислой миной поглядывала на гостя.

– Уф! – выдохнул Эдвин, опустив мальчика на диван и положив перед ним сверток.

Нарцисска тотчас же запрыгнула своему хозяину на колени и принялась облизывать смеющееся лицо. Эдвин же повернулся к Лили, картинно прижав руку к пояснице:

– Мне кажется, он потяжелел на целый стоун с тех пор, как я видел его последний раз.

– Возможно, тебе стоит навещать нас почаще, – произнесла Лили, поднимаясь со своего места, обняла брата, а потом отстранилась и заглянула ему в лицо.

На восемь лет старше сестры, Эдвин Стамп совершенно не походил на нее внешне, поскольку у них были разные отцы. Карьера их матери – ведущей актрисы театра – достигла

своего расцвета, когда она забеременела Эдвином. Он стал плодом ее любовной связи с младшим сыном графа. Спустя восемь лет избыточное количество джина и случайная связь сделали свое дело, в очередной раз изменив жизнь Лиззи Стамп. К тому времени пристрастие к спиртному и многочисленные разочарования уничтожили красоту некогда привлекательной актрисы. Младший сын графа давно умер, да и в театре дела не ладилась: ее почти не приглашали даже на роли второго плана, не говоря уж о главных, – и в результате после ночи бурных возлияний с простым носильщиком была зачата Лили. Об этом факте мать Лиззи Стамп любила вспоминать в моменты сильного эмоционального возбуждения.

У Эдвина было худое вытянутое лицо с черными изогнутыми бровями, резко контрастировавшими с его бледной кожей и свидетельствующими о бурном темпераменте. Его улыбка, при которой губы приобретали форму буквы V, излучала лукавство и обаяние и никого не оставляла равнодушным. В его черных глазах плясали веселые искорки, а иногда вспыхивал недобрый огонь, и они часто меняли выражение. Лили не раз слышала, как Мод бормотала себе под нос, что Эдвин – дьявольское отродье в человеческом обличье, то есть не от мира сего. Лили вынуждена была признать, что если бы верила во всю эту чепуху, то и сама сочла бы брата по меньшей мере странным. Впрочем, это не мешало ему не раз спасти сестру от пьяной агрессии их матери, когда Лили была ребенком.

– Может, чаю? – предложила Лили.

– А чего-нибудь покрепче не найдется?

Эдвин устроился на диване рядом с Индио и Нарцисской, и развалюха угрожающе зашаталась под его тяжестью. Лили испуганно ахнула, но когда диван устоял, с облегчением выдохнула и неохотно ответила:

– У нас есть вино.

Сегодня бритва явно не касалась щек и подбородка Эдвина, и теперь выступившая на его лице щетина резко контрастировала с белоснежным париком.

– В таком случае плесни мне немного, детка. – Губы Эдвина расплылись в обаятельной улыбке.

Не обращая внимания на недовольство Мод, Лили подошла к каминной полке, на которой стояла бутылка.

– Спасибо, – произнес Эдвин, принимая стакан из рук сестры, но, сделав глоток, поморщился. – Боже милостивый! На вкус оно точно...

Округлив глаза, Лили многозначительно посмотрела на сына.

– Вода из болота, – спокойно договорил Эдвин.

– Фу! – передернулся Индио, но в глазах его вспыхнул интерес. – Можно попробовать?

Эдвин щелкнул племянника по носу.

– Нельзя, мал еще! Подожди хотя бы год.

Лили откашлялась, и Эдвин поправился:

– А лучше два.

– Ерунда, – изрек мальчик, а его мать аж поперхнулась и в негодовании воскликнула:

– Индио!

Эдвин расхохотался так, что расплескал вино, к вящей радости Нарцисски, которая тотчас же принялась слизывать его с дивана.

– Послушай-ка, Индио, – вмешалась Мод, – ступай лучше на улицу, да Нарцисску с собой прихвати.

– Ну-у-у!

– Ах да! Чуть не забыл... – Эдвин театрально обвел взглядом комнату и поднял с пола сверток. – Я тебе тут кое-что принес, мой юный племянник.

Индио нетерпеливо выхватил из рук дяди сверток, развернул бумагу, и его взору предстал игрушечный деревянный кораблик с оснасткой и с парусами из ткани.

Его разноцветные глаза радостно просияли.

– Спасибо, дядя Эдвин!

– Не стоит благодарности, проказник! – великодушно отмахнулся тот. – Уверен, ты захочешь испробовать, как он держится на воде, в том пруду, что я видел неподалеку.

– Только если Мод за ним присмотрит, – поспешно добавила Лили.

– Или Калибан, – добавил Индио.

Лили с минуту колебалась, но великан был исключительно ласков с ее сыном, поэтому кивнула:

– Или Калибан.

– Ура! – Индио бросился за дверь, а за ним, с громким лаем, – Нарцисска.

Прежде чем заняться своими делами, Мод укоризненно посмотрела на воспитанницу, и та поняла, что позже ей предстоит серьезный разговор.

Вздохнув, Лили опустилась на стул и посетовала:

– Не стоило так тратиться: вечно ты его балуешь.

Эдвин беззаботно пожал плечами.

– Да ну, пустяки.

И все же Лили, будь у нее эти деньги, потратила бы их на еду или одежду. Впрочем, Эдвин никогда не был экономным, к тому же ее сыну маленькие радости были необходимы не меньше, чем еда и одежда.

Эдвин улыбнулся, словно прочитав мысли сестры, потом спросил:

– А кто такой Калибан? Воображаемый друг?

– Нет, вполне реальный.

– И его действительно зовут Калибан? – От любопытства брови Эдвина изогнулись, точно две дуги.

– Вообще-то нет. Насколько нам известно. Он работает здесь садовником. И Индио ходит за ним по пятам.

Только вот Калибан не просто садовник, внезапно вспомнила, комкая ткань юбки, Лили, а еще вспомнила его огромные руки, ловко державшие карандаш, когда он нетерпеливо писал в своем блокноте, красивые воздушные рисунки. Просто смешно, что она приняла его за умалишенного. Он ничего о себе не рассказал, но Лили не сомневалась, что он и поразительно умен, и хорошо образован.

Только вот по какой-то причине ей не хотелось обсуждать этого мужчину со своим порой весьма острым на язык братом, поэтому она ограничилась сказанным и спросила:

– Поужинаешь с нами?

Эдвин бросил на сестру быстрый изучающий взгляд, но столь неожиданную смену темы воспринял спокойно.

– К сожалению, нет. – Эдвин поднялся с дивана. – Договорился о встрече. Вообще-то я зашел узнать, как продвигаются дела с пьесой.

– Ужасно. – Лили со стоном откинулась на спинку стула. – Не представляю, как я писала диалоги раньше. Эти такие корявые, Эдвин! Пожалуй, стоит сжечь написанное и начать сызнова.

Обычно в подобных ситуациях брат шутками развеивал ее сомнения, но сегодня был как-то непривычно серьезен.

Выпрямившись, Лили посмотрела на Эдвина, и он поморщился.

– Что же касается...

– О чем ты?

Эдвин пожал плечами.

– Да так, ничего особенного. Просто я обещал, что пьеса будет готова к следующей неделе. Есть покупатель, который хочет поставить ее у себя дома.

– Что? – охнула Лили, почувствовав, как сдавило грудь. На мгновение ее охватила паника. Сможет ли она закончить пьесу за неделю?

Эдвин поморщился, и его подвижный рот принял довольно комичную форму.

– Дело в том, что в последнее время мне немного не везет в картах, и я хотел бы получить свою долю выручки, поэтому пьесу нужно продать как можно быстрее. Судя по всему, сначала мой покупатель нанял Мимсфорда, но старый мерзавец спешно покинул Лондон и оставил своих кредиторов с носом.

Несколько лет назад, когда Лили только начала писать, они с братом заключили сделку: Эдвин будет продавать ее пьесы под своим именем. Он мужчина, к тому же, в отличие от нее, обладал коммерческой жилкой, умел вращаться в аристократических кругах – чего Лили никогда не хотела, – и обзавелся множеством знакомых. В прошлом их тандем существовал весьма успешно, и вместе они заработали кругленькую сумму, но теперь, когда запасы денег таяли с каждым днем, Лили задумалась, не попробовать ли продавать собственные произведения самостоятельно. Конечно, это будет не слишком честно по отношению к Эдвину...

Лили покачала головой, пытаясь собраться с мыслями.

– Кому ты задолжал, Эдвин?

– Не говори со мной таким тоном, это оскорбительно. – Он с усмешкой посмотрел на сестру. – И очень напоминает нашу дорогую матушку.

От этих слов Лили охватило чувство вины.

– Но...

Эдвин порывисто подошел к ней, опустил на колени и взял ее руки в свои.

– Беспокоиться не о чем, дорогая. Правда. Просто закончи пьесу, ладно? И как можно скорее. – Он поднялся и звонко чмокнул ее в щеку. – Ты и сама знаешь, что ты гораздо лучше, чем этот писака Мимсфорд, а ведь его пьесы дважды подряд имели оглушительный успех в «Ковент-Гардене».

– Но, Эдвин, – беспомощно произнесла Лили, – что, если у меня не получится закончить пьесу так быстро?

Она заметила, как потемнели глаза брата, прежде чем он успел опустить голову.

– В таком случае мне придется найти другой способ получить наличные. Возможно, отец Индио...

– Нет! – Лили побледнела, ее сердце с силой забило о грудную клетку. – Дай слово, Эдвин, что не станешь к нему обращаться.

– Ты же не можешь не признать, что он очень богат...

– Дай слово.

– Хорошо. – Эдвин недовольно насунился. – Но мне все равно как-то надо расплатиться с кредиторами.

– Я закончу пьесу, – пообещала Лили.

Эдвин взглянул на нее из-под ресниц, таких длинных и пушистых, что придавали ему невинный вид.

– К следующей неделе. – Голос Эдвина прозвучал беззаботно, но вместе с тем твердо.

– К следующей неделе, – кивнула Лили.

– Великолепно! – Эдвин расцеловал сестру в обе щеки и принялся кружить по комнате. К нему вернулось хорошее настроение. – Спасибо, дорогая! Просто гора с плеч. А теперь мне действительно нужно бежать. Зайду на следующей неделе, чтобы забрать рукопись, договорились?

И прежде чем Лили успела что-либо ответить, он направился к выходу.

И вот теперь она тупо смотрела на дверь. Ну и как ей закончить пьесу к следующей неделе?

– Почему мы прячемся в разрушенной галерее? – спросила Артемис Баттен, герцогиня Уэйкфилд.

Аполлон с любовью посмотрел на свою сестру близняшку, и губы его растянулись в улыбке. Она носила титул герцогини всего пять месяцев, но держалась так, словно была рождена для этой роли. Сегодня Артемис надела возмутительно дорогой темно-зеленый костюм с широкими кружевными манжетами. Ее каштановые волосы были собраны в аккуратный пучок на затылке, темно-серые глаза лучились спокойствием и счастьем. Аполлона радовали эти чудесные перемены, случившиеся с сестрой спустя четыре года, на протяжении которых она навещала его в Бедламе.

Однако мгновением позже в глазах Артемиды вспыхнуло отчаяние.

Достав из кармана блокнот, Аполлон написал: «Ты же не хочешь, чтобы тебя увидели посторонние, особенно Индио».

Пока сестра, сдвинув брови, читала написанное, Аполлон сунул руку в сплетенную из ивовых прутьев корзину, которую Артемис принесла с собой. В ней он обнаружил чистую рубашку – слава богу! – несколько пар носков, шляпу и небольшой сверток с восхитительной едой.

После нескольких лет пребывания в психушке он больше никогда не будет воспринимать еду – любую еду – как должное.

– Кто такой Индио? – спросила Артемис, когда Аполлон взялся за яблоко.

Зажав яблоко в зубах и не обращая внимания на сморщенный нос сестры, он написал: «Маленький, но весьма любознательный мальчик, проживающий с собакой, нянькой и любопытной матерью».

Брови Артемиды взлетели вверх, когда брат захрустел яблоком.

– Они живут здесь?

Аполлон кивнул.

– В этих развалинах?

Артемис окинула взглядом обугленные, осыпающиеся стены галереи, где раньше располагались музыканты. Перед ней возвышались ряды мраморных колонн, которые когда-то поддерживали крышу над прогулочной аллеей. Крыша обрушилась во время пожара, да и колонны изрядно потрескались и осыпались. Аполлон уже придумал, что с ними сделать. Если их немного очистить от сажи и умело поработать молотком в некоторых местах, то они превратятся в живописные руины, хотя сейчас напоминали покрытые копотью пальцы, устремленные в небо, и навевали уныние.

Аполлон занял одно из помещений за галереей, где когда-то музыканты, танцоры и актеры готовились к выступлениям. В свое новое жилище он принес соломенный матрас и пару стульев. Крышу заменил натянутый от угла до угла кусок брезента, который защищал от дождя и ветра. Обстановка получилась спартанской, зато здесь не было блох и клопов, то есть рай на земле по сравнению с Бедламом.

Аполлон забрал у сестры блокнот и написал: «Они живут в театре. Она актриса – Робин Гудфеллоу. Харт позволил ей пожить здесь некоторое время».

– Ты знаком с Робин Гудфеллоу? – На мгновение Артемис забыла о титуле и вновь превратилась в маленькую девочку, с благоговением взирающую на конфету за полпенса.

Решив, что ему нужно побольше узнать об актерской карьере мисс Стамп, Аполлон осторожно кивнул, Артемис уже успела взять себя в руки.

– Насколько я помню, Робин Гудфеллоу довольно молода. Уверена, ей не больше тридцати.

Аполлон беззаботно пожал плечами, но, увы, сестра знала его уже очень давно и очень хорошо. Явно заинтересованная происходящим, она подалась вперед.

– И, должно быть, она очень остроумна, раз играет все эти очаровательные мужские роли...

Мужские роли? Это было весьма рискованно. Аполлон нахмурился, а его сестра продолжала болтать:

– Прошлой весной мы с кузиной Пенелопой видели ее в какой-то пьесе здесь, в «Хартс-Фолли». Как же она называлась? – Артемис задумчиво сдвинула брови, но потом покачала головой. – Впрочем, это не важно. Ты с ней говорил?

Аполлон многозначительно посмотрел на блокнот.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

Однако Аполлон уклонился от правдивого ответа. «Мои обстоятельства не располагают к светским визитам вежливости».

Артемис скривила губы.

– Не глупи. Не можешь же ты скрываться вечно...

Аполлон скептически округлил глаза.

– Да, не можешь, – упрямо повторила сестра. – Ты должен найти способ жить своей жизнью. И если для этого тебе придется покинуть Лондон и уехать из Англии, значит, так тому и быть. А вот это, – указала она на навес, матрас и стулья, – не жизнь. Во всяком случае, не настоящая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.